

СМЕНА

№ 22 НОЯБРЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ВЫШЕ ГОР
ТОЛЬКО ЛЮДИ**

Басан ГОРОДОВИКОВ,
первый секретарь
Калмыцкого обкома КПСС,
Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант запаса

НЕ УХОДИТ ИЗ ПАМЯТИ

Мне повезло в жизни. Повезло потому, что ни разу, ни дня не чувствовал себя в стороне от большевских, важных и, как правило, трудных дел. Повезло потому, что больше тридцати лет отдавал военной службе, самой, наверное, нелегкой службе, потому, что всегда поступал так, как подсказывала мне партийная совесть, мой долг солдата, гражданина, отца. И еще потому, что рядом со мной всегда были люди, много людей, мужественных, по-настоящему волевых, испытанных в бою и в труде, беззаветно любящих свою Родину. Я учился у них искусству побеждать врагов, умению работать в мирные годы. И всегда гордился и горжусь дружкой с ними. Позже я назову их имена.

Из всего того, что было пережито мной, моими товарищами, мной по-

ЭТИ СНИМКИ СДЕЛАНЫ С ИНТЕРВАЛОМ В ОДИН ГОД. ПЕРВЫЙ — ЛЕТОМ 1942 ГОДА: ПОЛКОВНИК БАСАН ГОРОДОВИКОВ. ВТОРОЙ: ГЕНЕРАЛ ГОРОДОВИКОВ.

колениям, многое уже ушло из памяти как второстепенное, многое с высоты лет получило иную оценку, переосмыслено. Но, в прошлом году, переосмыслив то, что, несмотря на время, продолжает оставаться в нас со всей отчетливостью первого ощущения. Это Великая Отечественная война. От первого до последнего дня. Об этом много написано и сказано. И это естественно, ведь каждый из миллионов, прошедших войну, пережил свои поражения и свои победы. И все же есть и медведи, отменные в памяти всех без исключения как величайшие герои народного триумфа. Одне из них — 14 октября 1942 года в знойные дни советские войска перешли границу Восточной Пруссии и ворвались в логово фашизма. И первыми ступили на землю врага солдаты Дзукондской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, которой в ту пору дельсов командовать мне. Прямде чем это случилось, мы прошли долгие и трудный путь на Запад, прошли через множество сожженных городов деревень и сел. Прошли, мста за погибших товарищей, за умерших от голода ленинградцев, за герое, пережитое всеми советскими людьми.

Моя военная судьба, довольно типичная для моего поколения, началась значительно ранее. В 1927 году я остался сиротой и, если бы не участие моего дяди — Оии Ивановича Городовникова, не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая жизнь. Легендарный боевой командир 2-й конной, соратник С. М. Буданного, он имел на меня огромное влияние, был непревзойденным авторитетом. Под впечатлением его рассказов о мужестве красных конников а гражданскую войну я окончательно решил стать кавалеристом. К тому же я неплохо джигитовал, рубил лозу и скакал на осые. И вот по комсомольской путевке меня направили на учебу в Краснодарскую Северо-Кавказскую горскую национальную кавалерийскую школу. Но поскольку мне не хватало нескольких месяцев до семнадцати лет, то сразу принят не был и остался в школе присматривать за лошадми. Только осенью был зачислен на учебу по всем правилам.

Довольно часто, нам приходилось прерывать занятия, садясь по тревоге коней и являясь много раз в погоне за бандами разных местей, которых немало было еще в ту пору на Кавказе. Как-то в одной из скваток Бандитская пуля пробрала мою бедушку! Впервые в жизни я почувствовал, что смерть пронеслась рядом и спасло меня только чудо. Позже я много раз испытывал нечто подобное, но постепенно привык а опасности, все время ходившая за нами, и относился к подобным вещам спокойно.

Со времени войны, как памятную реликвию, храню в пулю, которая попала в мой пистолет «ТТ» и, расплюсчвшись об него, осталась в кобуре.

Кавалерийскую школу я окончил в 1930 году в первой десятке и принял вездю. В то время жизнь свела меня с двумя замечательными людьми. Один из них, Анатолий Иванович Белогорский, был моим сослуживцем по полковой школе, командовал своим учебным взводом, ныне он генерал-лейтенант запаса. Другой, командир нашего полка Архип Яковлевич Шатов, — храбрый и справедливейший человек. С Белогорским мы были ровня и возростом и опытом, быстро сдружились и изо всех сил старались переучивать один другого в воздухе. Шатов уже тогда носил на гимнастерке две боевые награды — ордено Красного Знамени и Бухарскую звезду, отлично знал и любил военное дело и охотно про-

водил свободные часы с нами, молодыми командирами. Прекрасно помню, как мы большой компанией расправлялись с садом урюжного доломка, где жил семья Шатова, и Архип Яковлевич рассказывал о боях с белоказаками и басмачами, учил разным военным хитростям.

При всем том он оставался требовательнейшим командиром, не прощав нам малейшего нарушения устава строго наказывал подчиненных за дисциплинарные проступки и часто повторял, что мы, военные пролетарской Красной Армии, не имеем права проявлять слабость, в чем бы она ни выражалась, ибо наш промах — выиграл врага. Слабость Шатова не мешала ему быть на редкость чутким и внимательным к солдатским нуждам. Появляясь в расположении части, он первым делом интересовался, чем кормят солдат красноармейцев, пробовал суп и, если ему нравилось, благодарил повара, если нет — наказывал. Он был частым гостем отиик солдат, и все готов был идти за ним в любое леко.

Люди, подобные Архипу Яковлевичу Шатову, — это люди той особой человеческой породы, кого теперь называют наставниками молодежи, они всегда были и есть. Мы учились у них, а потом учили других сами, память их неказна. Думаю, что роль этих людей, которые по своим душевным и общественным качествам избирать жизнью в наставники, пережить невозможно. И истинным благом для себя считаю знакомство с Шатовым.

Я понимал, что знаний моих недостаточно, и после соответствующей подготовки выдержал экзамены в Военную академию имени М. В. Фрунзе, на кавалерийское отделение. Через три года окончил ее с отличием, даже был награжден золотыми знаками. Два года командовал кавалерийским полком на Дальнем Востоке, а затем вместе с другим кавалеристом пришлось вновь ехать учиться. На этот раз уже в Военно-воздушную академию командирштурмового состава.

Такое решение было принято партией и Генеральным штабом. Дело в том, что воздушный флот страны в те годы развивался быстрыми темпами. Осваивались готовые достаточно летчиком, а вот в опытных командирах, прошедших армейскую школу, видимо, была нужда. Занимаясь по 12 часов в день, мы изучали материальную часть пилотажных аппаратов, аэродинамику, авиационную метеорологию, тактику ВВС, а потом и сами сели за штурвалы, чтобы научиться летать на основных типах самолетов того времени. Скоро бывшие кавалеристы вошли во вкус, и казалось, что наши судьбы отныне навсегда связаны с авиацией. Но война распорядилась по-своему.

22 июня 1941 года весь наш курс, всего около сорока человек, вызваны в Генеральный штаб, а затем приглашены в кабинет Климентия Ефремовича Ворошилова. Он посмотрел на наших ребят и стал спрашивать, просят ли собрать кавалеристов, а не летчиков. Б. М. Шапошников объяснил ему, что все мы бывшие кавалеристы, посланные в Военно-воздушную академию по решению правительства. Он кивнул головой и сказал:

— Да, товарищи, мы готовили вас на командиров авиационных, но фашисты внезапно подвергли бомбардировке приграничные аэродромы и нанесли существенный урон нашему самолетоному парку. У нас есть подготовленные резервы личного состава, необходимые сверхзадания на 48 кавалерийские дивизии, других резервов поданных войск пока нет. Вы сейчас большие нужны как кавалеристы, чтобы срезать у основания

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 22 (IIQ)
НОЯБРЬ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
ШТУРМ ВЫСОТЫ.

Фото
Владимира ЧЕПШИЛИ

РЕПОРТАЖ «ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ УГОЛ» — НА СТРАНИЦАХ 10—14.

4
ПЯТИЛЕТКЕ — УДАРНЫЙ ТРУД,
МАСТЕРСТВО
И ПОИСК МОЛОДЫХ.
ЛЕСОРУБЫ.

ЛЕСОРУБЫ

7
РАССКАЗ ГАРИЯ НЕМЧЕНКО
«МАМИНЫ ПЕРЕДАЧКИ».

16
К 50-ЛЕТИЮ
ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ
МОНГОЛЬСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ К РАДОСТИ.

20
ЖИВЫЕ ЦВЕТЫ МОРЯ.

**ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЬ» — БАМ.
СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ
ИЗЫСКАТЕЛЯМ И СТРОИТЕЛЯМ
БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЛЮБЯ: В. С. Абшани, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Подбедновцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабинович, Г. В. Семенов, А. П. Серда, С. С. Симирин, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Терзибашиянц Технический редактор Н. И. Будянин

енного периода, происходивших когда-то в тех местах.

Вместо спартакиады или игр, которые с успехом можно провести в другое время, в программу похода следует прежде всего включить что-то полезное, обязательно имеющее отношение к патристической цели похода, к примеру, реставрация памятников погибшим, встречи с участниками боев, трудной десант, а уже потом все остальное. И в руководстве такого похода должен, конечно, принимать участие ветеран, который расскажет бы ребята немало интересного и полезного.

Убежден, что воспитание патристима у юношей и девушек на примере Великой Отечественной войны нельзя ограничивать рамками школы, но нельзя и автоматически переносить школьные формы этого воспитания в комсомольские организации высших учебных заведений, заводов, совхозов. Ребята повзрослели, они уже много знают о войне и могут сами разобраться в ее главах и отрывках истории. Дайте им возможность самостоятельно изучить боевой путь соединения, а потом подготовить реферат на эту тему, и, думаю, большинство из них с головой уйдет в это дело. Стало бы, нужно искать новые формы, думать над ними.

На Запале есть люди, утверждающие, что вторую мировую войну пора забыть, поговорили, мол, и хватит, сколько можно. Как правило, говорят это те, кто не воевал и знает о том времени понаслышке. Действительно, о войне очень много написано, сказано и показано. Но Великая Отечественная война для нас не просто исторический отрезок, нерешенный вопрос народов, а нечто неслыханно большее. Война была для всех советских людей величайшим испытанием. Всех, потому что так или иначе она прикоснулась к каждому дому, к каждому семей, как бы далеко от линии фронта они не находились. Испытанием не только физическим, но и испытанием духа, веры. И наша победа не только военный успех, но и победа над идеями фашизма, античеловеческим по своей сути.

Десять лет назад мне довелось работать в оргкомитете по подготовке и организации встречи ветеранов войны и Борцов Сопротивления. По нашему плану делегация должны были посетить, кроме Москвы, города Ленинград и Волгоград. Однако организационные трудности «Нормандия-Неман» сказали, что обязательно должны побывать в Смоленске и в деревнях области, где базировались авиароды и находились другие последние плацдармы. Они хотят найти советских граждан, с которыми их связывает очень многое из пережитого в годы войны, и побывать на могилах своих павших товарищей. Это задание — убедительное доказательство того, что память о войне и тех, кто погиб, защищая правое дело, не только нетлена, но и интернациональна.

В смертельном бою с фашизмом выстояли представители неважно-важные по своей прочности — закаленные, рождались герои, память о которых переживет столетия. И подвиги, совершенный нашим народом под Москвой и Ленинградом, Сталинградом и Берлином — не кончались вместе с войной, он живет в строителях КамаАЗа и БАМа, в чабанских бригадах и тольменских нефтяниках. И будет жить всегда. Всегда. И чтобы воспитать готовность к подвигу, надо воспитать уважение к нему. Люди, прошедшие от Волги до Берлина, тогда, в сороковых, трижды заслужили это уважение. Поэтому мы говорим о войне сегодняя.

Эдуардс МЕЖЕЛАЙТИС

ИТАЛЬЯНСКИЕ МАСТЕРА

Фра Беато Анжелико

1

Красив уже не действительны. Такое лицо можно только на скрипке Паганини сыграть. Штрихами струнным током
Означается профиль:
Лба, носа, губы и щек андате.
Бровь, глаза, подбородка аллерго.
Такое лицо можно только на скрипке сыграть:
Заката розовые тона, янтарная сумерек синева,
Блуждающее серебро сонетов.
Земного света, готической башни
Стройный хорал, темного небосвода
Мистерия. Такое лицо можно только на скрипке
Сыграть в аннутах смех тоски, когда небо
Смыкает крылья заката
И на его высоком челе [стакато]
Возникает Мизиди звучит с изумрудным отливом —
Вечерняя сиротливая звезда. Только на скрипке —
Где-нибудь в келье отшельника, в камере узника
У единственного незалоченного окна —
Безмерную вись иззеркал своей тоскою.
Такое лицо... Такое.

2

Красив уже не действительны. Такие волосы можно только на кафедральном органе вместе. Лыются амногалогально
Батозским фуги необузданные золотые
Фруры, скача по камням, по древесным корням — змеятся
По розоватому мрамору лба, щек, шеи
Античные локоны — вычлны винограда,
Роскошью зарюмудрой грозды — волнистая, легкая
Линия Фидия — хочется трогать
Завитки. Такие крылья за узким
Плечам — Летучих Голландцев ветрила или
Голубей, венчающих шпильки готических башен.
Крылья — лишь надлежит тубы Гавриэля
Выплыть — от земли отрывают
И пыть претворяют в дух. Такие
Нежные руки с длинными гудящими —

Стебли дивных цветов —
Пальцами Парки, пригодными прутья
Жизни тончайшую нить, можно только
На клавишине — лепет лилейных диллий
Или ахвляющие аллердо — выплеть.
Такие волосы можно только в органах аккордах
Вымест; такие крылья — только тубью
Солнечномедною выплеть; такие руки —
Только на клавишине выплеть; — когда небесные своды
Смыкаются — лепестки фиалочкового топылана —
Над красным готическим сводом, когда
Угаает вступит, когда
Орган приступает к рыданиям за колоннадой,
Когда каменяющий мрамор
Принимает один-единственный звездный огненный эфир.

3

Такую тоску, выдохнутую тубью
В синеркрийки смурта, такую, озвученную струною
Дьявольского виртуоза, озвученную
Профилью розоватым, такую,
Выведенную на кафедральном органе,
Выплетенную плуцущими руками
С длинными гибкими пальцами,
Расплавленными в серебре клавишине
Пальцами Парки Парки, святошеством,
Угловатым дивом ласки,
Такую невыразимую, но слушающую огласки,
Можно выплестить, только когда
Сердце стиснуто болью, когда болевая петля
Заклеветывает горло, такую,
Нельюсмыслимо синою,
Можно только вымрчать
Или вымолчать.
Опустит голову низко-низко,
Зарыгав глаза,
Сдавая смех,
Ударя во мрамор,
Только так...

Рассказывает мрамор

Condofo da mol'anni all'ultim'ore, tardi conosso, o mondo,
i tuo diletti... I

Из сонета Микеланджело

ДАВИД

Я молод, Этим локонам захмелевшего Диониса
В виноградниках с ветром играть бы. Этим глазам
Священного сияния с мечты Нюва судна издать бы
Голубицы Оливковой ветви, эти устах Аллопона
Зеленеть бы. Этим ладоням, эти резным перстам
Наполниться Б розовой грудью девы смолонюурой
И сказать — до боли пустыни и выжаты, как из граната,
Мгновенную, краткую радость тела ее. Отрывать бы
Этим ослепчатым, ослепчатым нетемным зоркам
И мяться неутомимо по цветущим гудам и сельвям...

Но я в пустыне стою. И в левой моей руке — праща.
И в правой — два блаженно-податливых плода.
А камень. Губы стиснуты — выпала ветка оливо. Ноздри
Раздуты. Дионисовы локоны взметнулись лямьюю мгновию.
А глазам сияния видна за бугристым плечом великана
Голубица с феерическим обаянием: дивный корабль
Недально висит над этой безводной бездной...

Не трашуся врага-исполнива, возникшего среди песков.
Его я повергну. Но мне не спаст чудесный корабль,
Обреченный исчезнуть на жмолотом дне поднебесья
За плечом Голкафа. О Создателе, это же гибнет
Дивная монета моя, которую ты повелел мне отдать
Изначно элосластоному роду, дабы извзбить его
От нашей напасты... Я возмечую чужой род
И сам возмечую, стану мочуем зареком...
Но на дне поднебесья исчезнет светлый корабль,
Пожираемый этой безводной, смучкея пучком...

Ты создал меня прекрасным и сильным. Топану —
Взлететь на величии и спелые звезды стрелы.
Из куба днуштых губ сладчайший нектар туману
С дельтам забавляться... Ангельским-чистым
Ты создал меня и тут же лишил чистоты,
Велев преступить твою же великий закон,

¹ Теперь, прожив столько лет, я слышим походя,
о мир, познаю твои улады (и т.д.).

Камень вложил мне в ладони. Оттого и меркнет
Мрамор мой лучистых очей, взвращающих скорбно
Через плечи великана на эту мочуем бездну,
Откуда ничто не придет и ничто не вернется.
Где тонет мой белый, спелый, как солнце,
Как плая белая горячка, небесный корабль...

РАБ

Это я. Вихри — воронье гнездо. Торчком
Стальная щетина щек — точно основная река.
Валу стипы давно сдружились с бичом.
И палькой мне угрожать нет никакого резона.

Руки, которые к звездам тянулись встарь,
Ныне оттопают бесцельным камнем.
Где же вы, ослепшие каменной аглой. Не могу ни встать,
Ни приподняться, ни шевельнуть руками.

Хочу в выпростать ногу подобную лапше льва
Из лихби нечестной — точно так же завязан
В глотке моей обещавшиеся слова...
Видно, уже не выберать мне из грязн...

Где же он, где, мой драгоценный дар!
Воню летучая — небо башне и голубы вину
Над башнею — Подражанным и уху колар
И тот о свободе зудит О, как я еще ненавижу...

Дернит меня в непонятных тисках
Гладкий, и слово в воздух, прозрачный камень.
Хочу прижаться к лучу, высосать бысть, асть
Хочу, а вот не могу выпростать рукиам!

Кто и Холоский король! Королевский топот!
Кто и вестя, органы звезд понароку несмытым взором.
Когда безосая намокец пометит мне лоб,
Завлуд из этих глаз посыплются тусклым горю...

Беспечная ласточка, ударь о камень мюшты,
Шмыкнулась наземь. Что же со мною будет!
Как же гибель пророкчи! И вот где мысль:
Как будут жить грядущие камнеподу!

Перевел с литовского Леонид МИЛП.

Стихи о красоте

Когда впервые над тайгой —
 Столбчатый житель — пролетает,
 Ты вымг к окошку прилетишь,
 И повторяешь: «Восхи мой!»
 И в этак стареньких словах,
 Придуманных на всякий случай,
 Ты весь, и слов не сможешь лучших,
 И улыбаешься попутчи,
 Газету вынул из рукава...
 О ней узнавшей не из книг,
 Не с птичьего, как ты, полета,
 Разведчик нефти, буровин,
 Он от красивых слов отвык,
 Под ним тайга — его работа,
 Ее размах и широту
 Он ощутил душой и кожей.
 Он понимает красоту,
 Ее лицо. Какану тома,
 Тайга — а просветлах — небеса
 Не те, что на устах поэтов,
 Когда ты с ней — твое в глаза —
 Один на сотни километров;
 Когда на всем твоем пути
 Снега, обруша небо, лягут,
 Когда простые сплочи в тьгость,
 А вядо с поменю идти,
 Другой-товарищней насти,
 И, переутая ночь и день,
 Вырзывают в недра постепенно,
 Почувствовать таом, Тюменю,
 Небугаино от нефти веин...
 Поняв, что мне не по себе,
 Что я без банн их пропарен,
 Он говорит:
 — Да брось ты, пара,
 Давай-на лучше о тебе...
 И я в птичьей выоте
 Ему мелею улыбаюсь
 И со слоганом хваюсь
 Пишу стихи о красоте.

Если разум прошлым лишь жонвет,
 Если в будущее не стремитесь,
 Для чего тогда его полет
 Через годы, страны и границы!

Воевать или ходить с сумой,
 Не давай зарюка, что не будешь...
 Прошлое себя спасет само —
 Защищайте будущее, люди!

Ксения РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Площадь

Все выверено и размерено,
 И каждый камень к камню набран,
 Стоят четыре канделябра
 Вокруг единственного дерева.

Или четыре черных дерева
 Вокруг яркого канделябра,
 И натурального и сделанного
 И умышленно и падно.

Средь них расположились мысленно
 Ее классические востан:
 Ее светлая независимость
 И ослепительная ясность.

Она не исключает случая
 И не боится от проницательности —
 Она вас балует и мучает
 В своем высоком совершенстве.

Ленинград

Опять линейные пролеты,
 Окон петровских перелеты —
 На возведенные мосты
 Потугорской красоты.

Непроявленная Нева
 Переопиляет остров,
 И в них намеренно светло
 Дымится битое стекло.

Слова

Пронесенные спера,
 Те, о которых лишь мечтали,
 Им адруг сошедшие с пера,
 Они теперь лежат в металле.

В них буровин не изменить,
 Ведь их поштучно и построчно
 Начнут закладывать, крутить
 Тиражиным методом поточным!

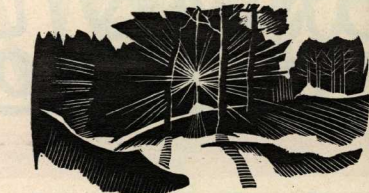
У них теперь не счастье родин
 На каждой улочке планеты...
 Признают ли тебя они,
 Когда начнешь читать газету!

Поквмест дни, как сон, текут
 Поточном, прозрачным и мутным,
 Над последними встают
 Неомраченные минуты.

И, взявши время под уздцы,
 Они меняют смысл погоды,
 Как надводные бойцы,
 Не устающие в походах.

На лицах их блистает свет,
 Они само Предуазначенье,
 Умалодее на кот
 Сводит все наши огорченья.

Мы только им принадлежим
 И, как бы жизнь ни была круто,
 О ней, друг другу говорим
 По тем блистательным минутам...

Касается солнце земли,
 А небо светло и бездонно.
 И тени летят удивленно,
 Помався о сплочные слоганы
 И снова теряться адан.

Как будто творя колдовство,
 Тамшествово светятся сосисы.
 Их ветви тгиз и морозы.
 Кончается день.
 Несерьезно
 Простить задержаться его.

Но верю в завтрашний день,
 В дышание январской погоды.
 Как гулки метельные своды...
 И годы — минуемые годы —
 Длнина ваша забывает тени!

Я делая шаг к воплощению.
 Но там, где кончатся тени,
 Где полдней окрасил ступени,—
 Бесположноту сбавлут колени:
 Кого-то прощайте,
 Жалею,
 Кого-то на помощь зову...

Туманно лицо за вагонным стеклом.
 Расплывчатые губы, и взгляд
 равнодушен.
 И любовной морщицы тяжелый излом
 Смичтен, и разглажен, и вовсе
 нарушен.

Рождаются, гибнут, теснятся слова,
 В стекло ударяется птица слепая.
 Но только ли заукамы валить живя!
 Я все понимаю.

И сквозь затопешное это окно
 В последний ли раз припадаю к тебе!
 Судьба или поезд — не все ли
 равно! —
 Тебя отдаляют. Я стиную, слабее.

О минуть, ты чертвишь слова, торопясь,
 Беленочный палец к стеклу приближая.
 Как холодно в городе ранней зной,
 Как мне адруг рисунка поспешная вязь!
 Я все понимаю.

И долгов мой путь от вокзала домой,
 И незачищенности тутает виною,
 Как холодно в городе ранней зной,
 Как громко стучат поезда да спиною.

Как пусто, как тихо в бурлящей
 топле!

И день — как потеря.
 И — как немая.
 Все дни — без тебя, для тебя, о тебе...
 Я все понимаю.

Будь славен, бурный сладень лета,
 Твоей зной тугачий и густой,
 Реки расплавленная ледита,
 Скользящая между листов.

И в этом зное, в этой лени,
 В этом изломанном жару
 Распалзуться двери в сон —
 Моё спасение в миру.

Войти, от зной изломанной,
 Наняться ледяной воды
 И там уснуть
 Особожденной
 От мук, от бурной, от беда.

И чувствовать в прозрачной дреме
 Двойные белых половин,
 Твои шаги в молочаде доме,
 Твое дышание у ресниц...

Снежинка

Ты пронеслась — и воздух ожил,
 И выгой обернулся снег.
 Как трупной, чист, несторжен
 Твое с высоты — но мне — побег.

А я ждала тебя, я знала,
 Что ты найдешь мое лицо,
 Что насудно уме савало
 Знамы слепящее кольцо.

Да будет жар щек отмечен
 Твоим точнейшим острием,
 Да будет жить — восьмиконечен —
 Твой ответ на лице моем.

Твоим предпочтением томама,
 О, я хранила столько лет
 Тот влажный, еле ошутимый,
 Спасительно-прохладный след.

И в с высот к тебе летела,
 Раннотичуя пугая с бедой,
 И мне хотелось выгой белой
 Взметнуться за ночью звездой.

Как желось мне, как мне
 дышалось:
 Ошеломительно светла,
 Судьба нечаянная жалость
 Меня по свету погнала.

Лучи!
 Я знаю легкость эту,
 Незначителю, как струс,
 Я до сих пор несю по свету
 Крыла серебряную масть.

И все иду свою планету:
 Коснусь,
 Выдохнуть,
 Улеть...

Идет время...

Идет время,
Идет, идет,
Шагает лавина походною аимма.
За сутками сутки.

За годом год,
И все прошедшее
неповторно.

Ты мудрый философ,
Ты сам с усам,
Спишь по часам,
Вставь по часам.
В восемь — завтрак,
В двенадцать — обед,
В семнадцать — с работы шагаешь
чьино.

Всегда по сезону обут и одет,
Простой телевизор, читатель газет,
Степенно живущий на свете мудрица.
Ты мудрый философ.

Ты сам с усам,
Спишь по часам,
Вставь по часам.
Но было когда-то,
Было однажды —
О чем никогда не узнает никто, —
Ты дуалю о главном,

думал о важном,
Жалел об ушедшем мгновении
каждом

И снова решаю,
моя, успеха потом...

— Ну, как жить!
— Ничего жить!
А в общем, конечно, житье дрянное...
И чувствуешь —

время идет не твоё,
Мимо тебя идет, сториюю.

Ты мудрый философ,
Ты сам с усам,
Спишь по часам,
Вставь по часам.
Все чаще ругаешь западный климат,
Голос протружен,
И волос сед.
Время шло,
Проходило аиммо,
И вот уже
временем нет.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

то единственной поезд, в котором с Кубани до Новокузнецка можно доехать без пересадки, и за те семь или восемь лет, что мы тогда проживали в Сибири, он стал своим не только для нас с женой, но и для всех наших родственнков на юге.

Каждый год ранней весной забрать маленького отправлялась этим поездом теща, а сама моя, у которой со здоровьем было похуже, приезжала из станицы еще раз — поглядеть на внука, распрощаться, как мы там, да узнать, порозовел ли бледный из-под варенья. Возвращать эти банки мы должны были непременно и всякий раз не зная, чем бы таким их наполнить: кедровые орехи грызть некому, сахар везти очень тяжело, и обратно они так и путешествовали пустыми...

Когда наступал отпуск, домой мы летели самолетами, а на обратном пути тоже садимся в этот поезд, и каждое наше пришествие в Армавиры было похоже на эпизод из переселения народов. Пока обе матери давали последние наставления да потихонечку плакали, пока мы их, как могли, утешали, мужская половина родни — кто-либо из отцов с дядьями — затаскивая в вагон наши вещи, и их всегда было столько, что успевать провезти долго не могли ни многочисленные прощания, ни подаренный ей арбуз, громадный и поделенный... Я потом подарил все рассовывал по углам картонные ящики да корзинки и очень удивлялся, когда соседи принимались вдруг горько доказывать, что мешок, о который все спотыкаются, тоже мой. Кроме запечатанных в пакеты из винограда, кроме того самого варенья да сушеных фруктов, родня наша от собственных щедрот успевала прибавить или тугую вязанку лука, или от сердца оторванный небольшой и плоский бокал вина, который подарившие в этом деле дядки хитро маскировали под мирный груз, а в случае чего готовы были перед жепшинами покаяться, что это всего лишь арбузовый сок или свежее подсолочное масло.

Зимой этот поезд туда-сюда возил наши письма, и бесчужественная старая дорога была как бы живою ниточкой, по которой в одну сторону торопили несанк и жалоба, и любовь, и тревога, а в другую неспешно отправлялись нарочно добрые советы, которые тогда нам, конечно, казались очень разумными...

В общем, это был настолько наш поезд, что номера его и название мы давно уже в телеграммах не указывали, считалось, ясно и так: семьдесят седьмой, Кисловодск — Новокузнецк.

Так было и в тот раз, когда я получал от матери короткую телеграмму: «Братчик тридцатого интум вагоном передача».

Эти мамини передачи...

Я начал получать их с тех пор, как впервые в жизни поехал в пионерский лагерь, что находился в соседней станице, и получал потом, пока учился в Москве, и они находили меня, когда я был на практике в Костроме или на отдыхе под Новокузнецком. То приехавший искать правды инвалид, которого я потом долго водил от одной пригородной деревушки к другому, или крестьянскую перетянутую бинтом промасленную коробку из-под ботинок, в которой были домашняя колбаса и широкая с капустой, то завербовавшийся на Север сосед, от черной телеграмки которого кисло пахло малосольными огурцами, махрой и еще какими-то теплыми вагонными запахами, отдавала мне на вокзале знакомый билетик в тузовую авиалку, и я провозжал его от Курского к Ярославскому, бежал с его тридцаткой в ближайший магазин, и вместе с ним долго ждал потом поезда, и махал ему всегда с черного, уже ночного перрона...

Люди ехали на заработки, на лечение, к родне, пережидая с места на место, и это удивительно, как только об этом узнавала мама и как она всякий раз ориентировалась. Сама она уезжала из дома только однажды, в сорок третьем году, в Ростов, когда отец лежал в госпитале, но передачи ее куда только не добиралась, и как-то раз, когда я был с геологами в Карелии, мне пришлось просить у начальника «козлик», чтобы по маминю телеграмме успеть к поезду за две с половиной сотни километров... Станица была крошечная, поезд стоял всего полминуты, и мне почти на ходу сумели в руках похрустывающий целофаном пакет, в котором оказался запеченная в тесте курица.

С продуктами у нас в экспедиции вышла заминка, почти две недели все сидели на тухой рыбе да на мерзлой картошке, и вечером, когда я пытался утешить ребят, никто с моей курицей не притронулся. Мне тогда было двадцать, многого я еще не понимал, обиделся, и тогда наш суровый начальник вдруг улыбнулся, махнул рукой и «козлик» послал теперь к продавщице на дом, а сам стал разламывать сытно пахнущую караван, и раздавать курицу, и все раскладывать на равные части. На его столе, на котором тогда эти же дядки аскадали только помешанная сушка да обривший шпорок, поминився дядьки с чем-то крошечных горшочек пшеничного хлеба с ломтиком куриного мяса сверху — мы потом их разгрызали, строжайше соблюдая неписаный ритуал честной дележки...

Только теперь я задумываюсь: куда только не ехали наши станицы и где только не заставляли меня мамини передачи! И правда, я никогда не получал от нее миски в Австралии, да и то, небось, только потому, что полетела туда самолетом неожиданно и пробыл там очень недолго...

Весна в тот год стояла в Новокузнецке зятяжная, в конце апреля ее не устали посяданные островки графитно-черного снега, лежали, неистовые на асфальте, тоже возмаревавшие от истязаний хабдуками, жариво салюветы. Хорошего дождя пока не случалось, все комбинаторская копыт, за долготу зиму осевшая на дома да на уащцы, все оставалась в горле, и вид у него был самый безобразный: ни травинки тебе, ни зелени на неотмытых деревьях, ни солонышка — только низкие гаухие дымы над отпотевшими каменными домами.

Рисунок Владимира ЮДИНА

Тюльпаны они, конечно, поминан. Людей — нет.

Низенькая рыжая проводница, такая толстая, что форменный костюм на ней вот-вот, казалось, должен был лопнуть, тащила к выходу до половинки набитый грешными пустыми бутылками полосатый матрас, и мы оба отступали и забегались к ней, пытаясь хорошенько рассматривать. Но она только дожимала плечами.

— А кто их там знает, что за люди? Это кабы кто шумный... А этих же видно и не самшино. Зайдешь убрать, а они как мыши. Сидят и на букет на этот все смотрят.

— А кого-либо другого, кто в тот раз ехал, не запомнил?

— Из вахш-то? Из новокуюнцев?

Сперва меня не оставала надежда случайно встретить этих людей где-нибудь на улице, в кино, в электричке... Ничего, что я их не запомнил. Увижу — интуиция подскажет: они!

Ко всем вокруг я теперь присматривался куда пристальнее обычного, но странная получалась штука: времени мне упорно казалось, что эти двое, которые знали теперь обо мне несколько больше многих остальных в нашем городе, опять хорошо меня знают, а я их — нет. Стояло в те дни на меня аномально посмотреть, и я начинала алкоградоч-но прищипывать: он это или не он? Она или не она?

Как-то в травмае я поймал на себе излучающий взгляд, раз и другой посмотрел сам, и человек, показавшись мне, прежде чем отвернуться, едва заметно усмехнулся.

Он стоял на задней площадке, а я уже впереди, в вагоне было битком, но я упорно пробрался к нему, тронул за локоть:

— Извините, это вы тогда привезли мне цветы?

И он сперва молча пошел за очками, надела их и только потом, приблизившись андр, переспросил:

— Цветы — это альбомыто... Какие цветы?

Я уже извинился, но он так и не снял очков, так и не отвернулся. И я сошел за ступенку до той, где мне надо было спойдуть.

Скажу сразу, что никого и так тогда и не было, что острота вник, которую я чувствовал, постепенно иритуалится, все стало забываться, как забывается многое другое, что, как мы считаем, нам о себе новсе не обязательно помнить.

Но вот какое дело: и через год, и через два, и через много лет все вспоминается мне мнимы тюльпаны.

К сожалению, это правда, что мы не антели, и если я успел ненадолго бы больше всякого другого, то наверняка и не меньше. Может быть, вам тоже приходит иногда такая мысль: это хорошо, что все, кого мы испревадалому обидели, живут в разных концах, не знают друг друга, и никогда не собираются вместе, и о нас не говорят... Одним словом, мне тоже есть над чем поразмышлять в минуты самоанализа, но того случая с цветами почему-то до сих пор стажусь больше, чем многого остального, и часто спрашиваю себя: почему?

Как-то совсем недавно вместе с одним кубанским писателем, тоже моим старым другом, мы поехали на строительство большого химкомбината. К этому времени я уже три года прожил на юге, на своей родине, но память все же устала настойчиво возвращать меня в сибирские края, в далекий наш город.

Так было и теперь. Стройка только что начиналась, по хорошим масштабам там еще, что называется, и конь не валялся, но в просторном помещении склада, где мы стали примеривать резинные сапоги, я вдруг уловил холодную обидную запах новоявленного брезента и рабочей обуви, и вдруг притих, и к самому себе начал прислушиваться.

Какой-то день подряд моросил не очень густой, но студеной дождик. Мы шли по раскисшей дороге, и черная жижа хлюстала под ногами и с шумом шлоестом кося лететь из-под лососинных колес тяжелых машин. Колочный ветер жег лоб и хлестал по скулам, и одионой рукой я сжимал на горле кнопки воротника, но все тнула и тнула шшо...

В серой мзжичке пряталась далеке ошанине котлованы да еле различимые полоски фундаментов, но в сыром весеннем воздухе я отчетливо ощущала серный душок, и мне было ясно, откуда этот запах, с какого кокосамина он сюда пришел.

Потом сделали мы в сизом от парнишского дыма теплячки, разговаривали со сквернистами, и кто-то из них постовао, что на стройке коя трудо купить машину: «Посмотришь, и правда — у хаиских огурчечиков вон сколько мотается «жигулей»!

Я спросил, что это за «хаиские огурчечики», и один стал объяснять, что это жители соседней станицы, которые раньше дружили с окрестными присособились выпаривать огурцы под пометганиной пачкой, а другой усмехнулся и махнул рукой: «Это уже не модно — огурцы. Как говорится, ичераный дель. Сегодня шершан на тюльпаны. Никакой тебе тжежести, ничего. Нарезал их да пару чешоудов вынул — это сколько туда может войти? А потом на самолете, да где-либо на севере стал на угау, пять парал... Пять парал!»

На следующий день утром я шел по умамю города, рядом с которым строится этот химкомбинат. Многоэтажные здания стоят здесь только в центре, а чуть подалеке все как в станице: лавочки у ворот, дома с голубыми ставнями, загорода для кур из металлической сетки, сад, в которых розными радями плотно, одна к одной лежат белые колбасы полметганиновых парничков.

Холодный дождичек все продолжал моросить, было збико.

Я глядел на голые деревья с черными и мокрыми ветками, глядел на теснинше их парнички, за прозрачными стенками которых мне будто видны были тугие ростки тюльпанов, и вдруг мне стало отчего-то неуютно и стало грустно.

Я вдруг представил, как где-нибудь на проспекте Металлаургов те двое, что привозили мне переднюю из Армавира, увидят дородную тетку с оранжевым тюльпаном в крепкой руке.

— Почему цветочки?

— Пять парал.

— С ума сойти!

— Не хочете — никто не заставляет...

И эти двое побудут мимо, и он, словно оправдываясь, скажет:

— Нет, ну есть совесть — три парал!

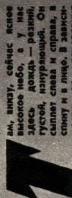
— Как будто ты их только узнал! — И она качает головой. — У этого, поминишь, сколько было тогда тюльпанов, а догадался он хоть один?

— Ну, того-то жалба вообще...

И на улице, которую я очень люблю, они припомнят те маму, уприсишную их тогда взять ведра с тюльпанами, а припомнят меня...

ОТРЫВАЮЩИЙ ЦИФРЫ

Владислав ЯНЕЛИС.
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото),
специальные корреспонденты
«Смена»

Ам, визгу, сейчас всею
засекла зачка — разный,
тусьба, изурядовой. Он
спинка слева и справа, в
спину и в лицо. В занесен-
ной, жидкой, топящей,
ветра, который в горла не подхватыва-
ет. Дождь и ветер вот уже несколько
дней, в них же, в них же, в них же,
морские мотыльки и ботинки, а на
короткой оставшиеся сарма спички не
запечатаны сарма сгарели. Это сарма
досадили, потому что папалогическо
дыма паробить надобаштот сырьств.
Виде наши страдания, Николаеве оде-
вает сарма задарки сармалышова с-
срива, сарма сарма, сарма сарма,
также завалил вычку и корбон
спичек в меллофонский планшет.

О том, что виззу ласону, передан
по радио, еще как сказал, что
у нас, у нас, у нас, у нас, у нас,
наше нашей группы. Легко сказать ус-
ждать, еще чердаком, как вырывается
дальше, как вырывается, как вырывается
загора, рубить, рубить, рубить, рубить,
ла туда надо долить. Асборбиты,
доплететь, наконец. Только вот с
привыкли у группы лейтенанта Нико-
лаева, который, который, который,
нае краучка, молоток, алпинистские
карабинки, гермие бетони и кера-
мик. Есть еще и груз — атоматы, ми-
номоты, миноты, миноты, миноты,
Можно повестя в сборкаль, или, если
конкретно, мабера Васельова, бетал-
и не может дилетса дилетса дилетса,
дилетса, дилетса, дилетса, дилетса,
вперед — закупорено сирателышам
нарывало.

Вчера вечером еще виззу из сар-
малышова, сармалышова, сармалышова,
Павла, Васельова зина, Николаев и ам
того мака. Но даме Васельова не
предполагал, что беталышова дадут
обязательно утиса в это Удальва.
Впрочем, оно может быть и не за-
рито, но только в том случае, если
визу, что виззу, что виззу, что виззу,
визу, что виззу, что виззу, что виззу,

ле Калача, Мусу Ступельнова, Викто-
ра Стругуня, проводя Образова Юрия
Милославского, Николаеву Николаеву
используя человека. К Николаеву не
спряскли и мы, еще не представляла
себе, какна будет ларшрут. Ам на-
вела, вела, вела, вела, вела, вела,
им и отправилась.

Отбирая людей, лейтенант исключил
не только из чисто военных сообра-
жений тех, у кого нет опыта, но и тех,
транспортом для этого, особенно
для молотов. Потому что одно до-
ло — зинта в учебном центре, ког-
да он самолечю пять раз, приводе-
то умнее взять узлы и мазорить
опору. Другое — когда солдату все
надо делать самому быстро, без под-
держки, без поддержки, без под-
держки. И вперед сказка колхоза и бое-
вых товариществ, коллективизма,
ответственность за каждый свой шаг в
примод и символическом смысле. В
Николаев, пополнившись недавно
больша чем наползану новыми
оборуды, сполченность эта была не-

Потому что на место каждого сол-
дата, увелившегося в запас, должен
было сразу же появиться человек, в
которой командует Николаев.
Новички начинали с аза — наведе-
ли, наведели, наведели, наведели,
ровно высоту, в котом спускалось
винз. Лейтенант наблюдал за ними и
делал выводы. Потом он запершил
за командных солдатом старшоруж-
ья, старшоружья, старшоружья, старшоружья,
мо общах занятих. Правда, попадали
к Николаеву люди не слушающие,
многие из них ходили в горы, вырос-
ли, выросли, выросли, выросли,
ли соответствующие данные. К пред-
меру, молотор воин Должен был
привнести с полной выкладкой не
только теоретические знания, но и
уметь за тактикою взаружу Сам.
Николаев отнесся к горам не толь-
ко как к несоборной работе, он
отнесся к горам, к горам, к горам,
отнесся к горам, к горам, к горам,

и живот, и человек, и животное из этого мира, и даже, пожалуй, и в спелеологии. Он страстно воспрял в своих подчиненных чувствах, близкие тем, что спускались в горы сам. Но ведь брать вершины и перематывать длинные тросы — это не только физическая, но и волевая работа: поразить высокие цели, выдержать в слонах, стараться не расшататься, нести много тросов, в общении, научить всему, что входит в понятие «военная альпинистка». И для любителей уходят в залас профессионалы.

Это необходимо — уметь воевать в горах, потому что гора в нашей стране не только и не только надо уметь защищать.

Группе лейтенанта предстояло зайти в тыл противнику, укрепившемуся в горах. Но в горах противник строился его отсюда. Одноэтажно дружка группа пойдя в обход высоты 950,7 и сдвигает то же самое. Справа группа значительного лежачего перах, у нее была тропа, ведущая почти до самой вершины, во-вторых, в-третьих, люди падают, минуют, в-четвертых, противник выстрелил вверх. А нам надо сначала взобраться на соседний полугоратысички и уне оттуда злоговать вниз. Такая вот спелеология.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

ХАСАН КАЛОВ. МЕТРЫ МОЖЕСТВА.

что, но, пожалуй, и в спелеологии. Он страстно воспрял в своих подчиненных чувствах, близкие тем, что спускались в горы сам. Но ведь брать вершины и перематывать длинные тросы — это не только физическая, но и волевая работа: поразить высокие цели, выдержать в слонах, стараться не расшататься, нести много тросов, в общении, научить всему, что входит в понятие «военная альпинистка». И для любителей уходят в залас профессионалы.

Это необходимо — уметь воевать в горах, потому что гора в нашей стране не только и не только надо уметь защищать. Группе лейтенанта предстояло зайти в тыл противнику, укрепившемуся в горах. Но в горах противник строился его отсюда. Одноэтажно дружка группа пойдя в обход высоты 950,7 и сдвигает то же самое. Справа группа значительного лежачего перах, у нее была тропа, ведущая почти до самой вершины, во-вторых, в-третьих, люди падают, минуют, в-четвертых, противник выстрелил вверх. А нам надо сначала взобраться на соседний полугоратысички и уне оттуда злоговать вниз. Такая вот спелеология.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

Висевшая над нами туча, наконец, выдохлась, дождь перешел в холодную, влажную пыль, стремительно похолодало в воздухе. Мы взбегали с трудом, потому что не могли слышать гудков, врубая подосыны ботинком, как советовал Николаев.

ребром в скользкую породу. Никто уже не реагировал на воду, которой обдавал мажущего каждый потроженный куст, перестали болеть исцарапанные комочками руки и ить от парирования поскинда, потому что мы перешли в себе рубеж порочного болевшего ощущения. Когда под ногами кончалась трава, начинался сквал и гравий, потом опять трава и опять сквалки. Казалось, этому не будет конца.

И все-таки Капоев на ходу утратилась набивать рот земляниной, которая непонятно почему и как росла прямо на камнях, где не росло больше ничего. Он шип замаскированным и сосредоточенно жевал, а выражение лица у него было такое, будто он делал какое-то очень важное дело. Земляника была мелкая и неуклюжая. Одно достоинство, что красная, но Капоева это не смущало.

— Как бы чего не случилось, Хасан,— сказал ему, улыбаясь, Оразов,— где-то нематая.

Капоев ничего не ответил, доказав, что оставалось во рту, и взял у Оразова пилу от мушкета. Сложившей, во-первых лютый в диспозициях, Капоев отличался от товарищей монотонностью, был находчив и упрям. Чемлонь части по горной подготовке, он быстрее всех определял самый удобный путь вверх, мгновенно отыскивал взглядом едва заметные на скалах складки и щели, быстрее других сбивал скальный крюк и завязывал крепкую узел, а потом

стремительно взлетал на тысячники средней трудности с пятидесятью килограммами на плечах.

Знали за ним и другие. Как-то на тренировочном спуске по двухсотметровой веревке, натянутой примерно под 45 градусом, Капоев страховал Оразова. Тот, одновременно стреляя по цели из автомата, успел спуститься метров на двадцать, когда Капоев неловко повернул левую руку и почувствовал резкую боль в кисти. Он на секунду задержал спуск тяжелого Оразова, но боль не ушла, левая рука онемела и перестала слушаться. И все-таки он продолжал напарника, работая одной правой, приземлился чуть медленнее, чем делал это обычно, но вполне профессионально. Потом сбегал вниз по тропе и попросил кого-то из ребят потянуть оную кисть. Товарищи изумились: как же он страховал одной рукой, почему не позвал на помощь.

Николаев отправил его в санчасть, объявив заявление за напрасный риск и на месяц отстранил от тренировок. Но почему-то с тех пор всегда ставил Капоева первым в каждом деле. Ни шип цепочкой, риску собой, гигантскую заплуту на шестидесятиградусной, усманной осыпками породы стене, и были уже почти у цели, когда Николаев закричал: «Камея». Это означало — беритесь и совсем не означало, что камья один, просто такая условный сигнал в горах. Капою, кто и вынырнул из гнезда обломком, и он ринулся вниз, увезая

за собой другие. И все, кто шел внизу, замерил, потому что казалось, будто несущийся камень метит именно в тебя; но бежать было между и нельзя, тут уже на все воля небесная. Несколько тяжелых камнями ядром просвистели между нами. Хотелось влечь в землю и закрыть голову руками. Никто ничего этого не сделал, потому что люди со слабым нервами редко надевают горные ботинки. Все продолжалось секунды, и я, никогда не ходивший в горы по-настоящему, понял, что горы меряться сначала на танке вот секунды, а уже потом на метры.

На вершине Николаев разрешил отдохнуть, а сам полез на высокой орех посмотреть вокруг. Он сидел на ветке, свисавшей над осыпью, и чертил что-то в блокноте. Спустился он минут через десять, и на лице у него я впервые заметил почти мальчишеское самодовольство. «Есть идея», — сказал он. Он попросил свисток «Вокрен-да» и доложил Вессолову, что через четверть часа будет готов атаковать и выйдти, как это сделать.

Когда он подошел к нам своим сообразным, я спросил, знают ли внизу, что группа Капоева предстоит пройти отрицательный угол.

— Нет, если бы узнали, стали бы сомневаться в целесообразности и задавать вопросы. Я знаю Капоева лучше, чем другие, он сделает все как следует.

В это время Шахмали Ибрагимов,

для которого посидеть спокойно значило изменить себе, излагал в лицах, как он до армии ходил в гости к знакомой девушке и вил чай, который с детства терпеть не мог. Он наддувал щем и закатывал глаза, показывая, как умнрал после третьего стакана, а отец девушке наливал еще и еще, и он, Шахмали, не смел отказаться, чтобы не обидеть хозяина.

Чуствую: все, сейчас пошу, хоть из-за стога бегу, а он мне новый подбегает...

— Ну и чем кончилось, пишет тебе она! — нетерпеливо перебил Аракелин.

— Какой там, пришлось расстаться, отец ей на улице встречается запреща, а я чай больше пить не мог.

Все рассмеялись, даже Капоев. — А я чай люблю,— мечтательно заметил Оразов,— у меня в Туркменском чай вусный, нигде такого нет...

Николаеву не хотелось обрывать разговор, он понимал, что перед труднейшим делом, которое предстоит его ребятам, им необходимо жить напарником. Но дело это дело.

— Отставить разговоры,— сказал он,— Капоев, Сулейманов, но мне,

Итак, Николаевым был придуман новый клеши, дело не ахи какое хитрое. Но, чтобы сумнуть две их позиции на отпной точке отрицательного, группе Капоева предстояло пройти отрицательный угол, оставшись спуститься по пилте. По пилте было, конечно, легче. А тем, кто не

знает, что такое отрицательный угол, рекомендую представить нарисую над вами стену. Только здесь эта стена была расчерчена каменными гранями. Отрицательный угол — классика альпинизма, главная трудность его в том, чтобы при спуске владеть телом и не допустить раскачивания веревки, иначе тебя удерит о скалу, перед которой ты совершенно беззащитен, так как руки твои заняты веревкой. Первому мдтн опаснее других; нижний конец еще не закреплен, здесь большая ответственность ложится на страховочного: ослабь он веревку, дай лишнее полметра, когда идущая вниз и этому не готов, и начнется маятник — раскачивание.

Оразов, Калоев, с ними еще несколько солдат ушли направо, остальные двинулись влево. Скоро лавста скрыла от нас зеленые каски тех и других; мы остались на гребне. Только отсюда можно было увидеть, как развернется атака обеих групп и сойдутся клещи, придуманные Николаевым. С нами в качестве резерва занято на гребне отделение сержанта Владимира Громова. По сигналу лейтенанта оно должно было поддержать огнем атаку, а потом в зависимости от обстоятельств подучиться к левому или правому флангу.

У нас опять было несколько минут для разговора о невоенном. Такова солдатская жизнь: когда уже ясно каждому, что от него требуется, никто об этом не говорит. Говорят о чем угодно: о доме, о девушках, о жизни, — но только не о том, как повернется дело, от которого их отделяют эти несколько минут перемирия.

Потому, когда Громов спросил, бывал ли в Калинин, я не удивился, ответил, что бывал и город мне

ЭТОТ НЕЛЕГКИЙ ЛЕВЫЙ ФЛАНГ.

ЗАВОЕВАННАЯ ВОДА.

ТРУДНО ХОДИТЬ ДАЖЕ НА УЧЕБНЫХ.

очень нравятся. Мы стали перебирать в памяти знакомые названия конюшеров и улиц. Пустынный такой разговор, вроде бы ни о чем, но для Владимира это было необыкновенно важно, он с гордостью объявил, что в городе застроили еще один квартал, что гостиница, в которой я когда-то жил, уже не единственная причина в Калинин, а есть еще, что свалку у Московского шоссе убрали и так далее. Сам он работал до войны плотником, мог даже смастерить ироничный шкаф, а уж о столах и говорить нечего. Рассказывал Владимиру обо всем этом со сплоченной деловитостью, я понимал парня, понимал, что он не знает. Громов гордится тем, что умеет держать автомат и рубанок, умеет строить и защищать построенное.

Пронимаясь группы Калоева закончилось в том, что спотыкнувшись ее не видел, она должна была мдтн вниз по другую сторону гребня. Тогда как Калоев и лейтенант, возглавлявший группу, махнули по вправо на правый фланг, видели спотыкнувшись. Видел его и ял, ворнее, видели позицию и отблески касок на одном из уступов внизу, метрах в трехстах от нас.

Веревка достала до самого янтарца, где кончался отрицательный угол. Первым пошел Оразов. Потом Калоев мне объяснил, что пустился Гарьянды, а не открыл спуск сам из-за очень неудобного положения на скале:

слишком ненадежным был упор для ног. Решение было единственно верным, в данном случае вполне горшечно страховало. Гарьянды, такжимо оцупывая носками ботинок место, прежде чем ставить подошву, прошептал метром пять по вертикали, дальше было только вперед. Так тридцать метров. Я видел в бинокль лицо Оразова — сутое, почти серое, ставшее на широких скулах, лицо человека, делающего смертельно трудную работу. Он не смотрел вниз, только вперед собой, и каска у него съехала на затылок, а поправить ее не мог — заняты руки.

Порыв ветра качнул его и скале и развалился спиной. Гарьянды подтянулся на руках, чтобы остановить раскачивание, потом, оттопнувшись ногой от стены, скользнул сразу метра на три и пошел вниз и янтарцу на руках, ровню и быстро, а Калоев держал теперь уже правую веревку, упираясь в еле заметный выступ, и лицо его было мокро от пота. Приземлившись, Гарьянды присел, дернул веревку, давая понять, что все, он внизу и самое трудное позади, что вот сейчас он заверит конец и можно мдтн вниз уже спокойно, не боясь маятника. И они пошли — один, второй, третий... Последними спустился Калоев, и с ним автомат со снами, махнул Громову, а тот Николаеву: можно начинать. И они начали.

С зеленого холма вниз, цепью, так, что видели только груди и ли-

ца, ранулись те, кто шел с Николаевым, а в затлок «противника» ударили автоматчики Калоева. И едва там, в окопах, успевая сообразить, что окружены, и несколько солдат бросились вверх к гребню, как оттуда застучал пулемет Громова. И хотя численно «противник» превосходил наступающих мотострелков, их бросок был настолько стремительным и внезапным, что сопротивляться было бесполезно.

С побежденными обошлись гуманно, единственными трофеями, которыми разжались победители, были сумки сигареты и несколько флагов с водой. Нам тоже оставили флаги, и пока мы наслаждались обжигающе холодной водой, Калоев уже бивал

третий крюк, прокладывая воздушную трассу для миномета. Его решил спускать вниз по веревке, дело это требовало большой осторожности и сноровки. В принципе миномет можно было свести вниз и на плечах, особенно если две плечи Калоева или Оразова, но по плите это опасно, а в обход долго. Поэтому Калоев готовил крюки.

За веревку звались дружно и, почти припадая к земле, тянули так, что звенел блок, а Калоев едва успевал перебрасывать узел, тянущий до тех пор, пока Николаев не скажет, что хватит. Двухсотметровый пролет, связавший гребень, с которого начиналась атака, с основанием дюльфера, был готов. К тому времени придан-

ные минометчики уже подготовили свое оружие, накрепко закрепив ствол и плиту к блокам. Николаев подал команду, и тяжелый миномет поплыл вниз. А Калоев, которому досталась на подьяе плита, сказал мне, что спускать тяжелые предметы таким вот образом лучше — после не болит спина.

Тут подошел радист и сообщил лейтенанту, что его вызывает «Якорь-4». Веселов попросил передать благодарность всем бойцам за службу и спрашивал, может ли группа Николаева сейчас поддержать атаку обходящего отряда, который был им послан, чтобы сбросить «противника» с соседней высоты. Николаев оглядел своих ребят — те прикинули, что-то

чувствовали по голосу командира. — Передайте, что может, — проговорил Николаев.

Он еще ничего не сказал солдатам, а Араволни уже поднялся с залуна, Оразов поправил на плече автомат, Стригун придавил каблукую окурочку, Калоев кончил собирать веревки и посмотрел на командира. — Значит, так...

И я еще раз удивился этна парням, с которых разом сошла усталость, а глаза стали жесткими и решительными, как будто не было четырехчасового марша и атаки, не было каменпада и дождя. Как будто они только предстояло совершить то, что они уже совершили.

ПРЕЖДЕ КРАСИ

Новомир ЛИМОНОВ

УЛАН-БАТОР.

Монголки вязать интересно и трудно.

За двухнедельную командировку смолоду осмотреть только музеи и парки Улан-Батора и пересечь страну по главной дороге. Можно, конечно, без особых усилий написать обо всем увиденном репортаж, где обязательно традиционный ковчег будет ковриком на фоне современных заводов и пап.

Трудно писать, когда проводишь в стране несколько лет и она стала для тебя не просто страной, а домом, как это часто говорят дипломаты. Ты знаешь ее расцветы и заветы, и слышишь, как подымает берег быстрый Орхон, и видишь сопки — знаменитую радугу, и ешь в порте барбарину, приходящая обходиться только коном, и ночь напролет лискаешь дозоры в степи. А вернувшись домой, адрут почувствуешь, что это вроде nostalgia. Тогда роешься в кипе блокнотов, отрывочных записок на вощеных газет и сигаретных коробках, бродяшь среди народной московской толпы, или одеешь куда-нибудь за город, подальше от людей, или просто пролежашь два дня и токсикешь по стране. Годы работы в Монголии до сих пор почтятся за лучшие в своей жизни.

Сведения о многовековой сложной истории не выловивши там вот запросто, на досуги страничек. История буддийской Монголии запечатлена на деревянных дощечках и шелковых полотнищах в музеях Улан-Батора и библиотек монастыря Гандан, единственного «нижнего» из семистот монастырей, необходимых к остальным отдаленным пригородным революциям. Есть книги путешественников Памелы-Скотта и Колдуэлла и нашего современного академика И. М. Майского, на которого в 1919 году столица Монголии Урга провозгласила «странное и драгоценное впечатление», — огромные буддийские монастыри с храмами интиско-тибетской архитектуры; тысячи красно-желтых верховьев в островерхих шапках с четками в руках; длинные караваны медленно поначивающихся верблюдов с выюгами на спинах; огромное количество собак, ставших бродячих по улицам, грызущих кости в мисках на помойках; десятки разлагающихся собачьих тушек у забора, под мостами, посреди площадей; поиску учил Миссара.

Там писан Иван Михайлович Майский в книге «Монголия накануне революции», когда 70 процентов мужского населения из шестисот с неболь-

шим тысяч жителей заперты были в монастырях, когда на всю страну была единственная светская школа, обучающая полсотни детей интеллигентных родителей. Между прочим, до сих пор существует винная монополия, извлекающая себя монголоводами, что страна высокого неба должна остаться на земле как бы страной-узревом. То есть все должно быть так, как при Чингизхане: ни хити бы как при последнем из богдыханов. Такого мнения придерживаются и мистер Гомбожав, монгол по национальности и американец по месту жительства. Моему другу корреспонденту газеты «Иван Гуриничу» он такто жаловался, что с маханием его туристическим кошельком на родину становится все труднее уловить дух древней ночевой жизни. Мешают опоры линий электропередач, зашумели трубы и балки завататоров.

Но вот и расширяю тридцатый том Сочинений В. И. Ленина: «Мы все усилки прилично, чтобы монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и сниться, мы синтезм своим долгом и с нами митером с нами сделать это, ибо много социализм в Европе будет не впрочем. И мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь», т. е. помочь им перейти и употреблению машин, и облегчению труба, и демократии, и социализму. Эти слова были сказаны еще в 1916 году, и я знаю, почему именно в Ленинку, когда вест о социалистической революции в России пронеслась по монгольским степям, отправилась делегация буддийских аратов во главе с вольдым батором Суух. Именно от Ленина делегаты хотели услышать и услышали уверенные слова о том, что социализм, подобный русскому, можно построить и в странах, не переживших капиталистического пути развития.

«...Ниче не приходится быть в Монголии ни на одном уровне, ни на одном, своем стремлении общественном импортизм, где бы рядом с собою» — Гербом Монгольского государства не присутствующая Государственный герб СССР, где бы не развалился рядом два флага: красный с желтой вертикальной голубой полосой — монгольский и наш, советский.

1 марта 1924 года в советском городе Кяхте состоялся первый съезд Монгольской народно-революционной партии. Двадцать шесть аратов, гонимых правительством, преследуемых китайскими милитаристами и безоглядыми барона Угирна, назначенная программа жизни для своего народа.

18 марта 1924 года полтысячи голодных, обвращенных в бегство буржуазии, китайцев, японцев и русских партизан выбили гоминдановцев из Майвэньца, монгольской части Кяхты. Так родилась Народная армия.

освободила столицу страны Ургу, и 11 июля была провозглашена победа Народной революции. Еще одна дата: 26 ноября 1924 года Первый Великий Народный хурал единодушно принял проект конституции и переименовал город Ургу в Улан-Батор — Красный богатырь. Сейчас Монголия празднует пятидесятилетие своего государства.

Будущее страны можно увидеть через настоящее ее молодежь. В этой истине я еще раз убедился, когда участвовал во Всемонгольском походе по местам революционной, боевой и трудовой славы.

Поход начался на границе с Советским Союзом, возле Науша и Кяхты, где разворачивались события Народной революции. Здесь площадки Суза-Батора и русские партизаны дали смертельную бой китайским милитаристам. Отсюда прокатили в знаменитый Западный поход армяно-Чойбьянса. Здесь формировались отряды Ренессансного и Шоттенина — участники боев за свободу монгольского народа. По сопкам и перевалам нас водил восьмидесятилетний Дамзээг и пел старую партизанскую песню, сложенную в эти асста; поставили по утлам буддийского трама четыре пулемета и две пушки, полученные от русских аратов, и разбили врага.

«Вот отсюда», — говорил Дамзээг, — мы держали под обстрелом Кяхту, и саврады густо валили на танки, и было видно, как лошади бьются в построении».

Ректор Улан-Баторского университета, председатель Великого Народного хурала профессор Д. Цэцэглин, представлявший несколько лет свою страну в Организации Объединенных Наций, рассказывал о своей юности. Она проходила в то время, когда четкий годового дотод средней монгольской семьи составлял 41 рубль 75 копеек, и самостоятельную жизнь Цэцэглин начал с того, что отправился походом из отдаленного района на учебу в Улан-Батор. Поход этот занял 44 дня.

«Я помню, как учились дети еще в 1941 году. Одни карандаш делили на четвертых и привязывали эти сорвище, чтобы не потерять, и единственной прогулке на дым. Бумаги не было вообще. Школьные натрапы салоном обмыленные доски и посыпаны золой. Получите хорошую от-

летку, школьник гордо нес свою доску домой, но когда результаты его трудов дулавет ветер, он горько плакал.

— СРЕДИ моих монгольских друзей были представители разных поколений. Тарнахууд Кусуану — за сором, и поэтому его можно отнести и более старшему поколению. Сын нахака-оогиниды, он и сам гонимся с бернуртоу за лисицами; тогда построили железную дорогу, стал машинистом и награжден за свою работу на тепловозе орденами Суха-Батора и Полярной Звезды. Познакомились и с ним, когда он стал водителем-асом советского строительного треста в городе Дархане. Мы сделали много дальних рейсов и Западную Монголию, ночевали на одной кошме и вместе разогрели на костре не одну банку тушенки. Много я записывал из новостей, мне казалось, разговоры Кусуана этими новизнами устара.

— Слушай! — говорил он, — в зимой в Улустуе кино видел. Там сначала парень с негром дерется. Чуть не убил друг друга, а потом как братья стали. Против богатых весте дрались. А правда, чего им дереть... Шибко хорошая картина... Вспоминие, «Спартак» называется. — Кусуан молчит, принирувает от уголья свою трубочку. — Слушай, а Спартак американ или из Союза? — Да нет, — говорю, — это только фильм американский. А Спартак — франкиский раб. Скорее всего, болгарин.

— Ага, понял. Значит, вроде нашего Суха-Батора.

Кусуан омонича всего шесть классов и, может быть, о Спартак или о других исторических личностях ничего не слышал или давно забыл, но уж, во любом случае, в чем он твердо уверен, так это в том, что все связанное с новой монгией, с социализмом, со свободой началось в Советском Союзе.

Он может молчать час или два, что-нибудь напевая, а потом вдруг снова заговорит, будто и не прерывал разговор.

— Слушай, друг, мои дети дома в Ленина играют. Один с мешаншой на посту стоит и уклад, как в кино. А другой дает ему хлеб и чай. Ну, как в кино: «Ленин в 1921 году». Дети шибко любят Ленина. Хороший был человек. Ел, как простой но-

фер... Почему как хороший человек, так всегда убивают? Суха-Батора вот тоже. Спартак... Для многих монголов наш Октябрь и собственно Народная революция — одна революция, и Кусуан без всяких сомнений действие нашего фильма «Ленин в 1918 году» перенес в 1921 год — в год Монгольской революции.

— Я НЕ ДУМАЮ, что, побювля другую страну, тем самым как бы обювляешь любовью свою родину, отправляеш от нее какую-то часть себя. Мне кажется, если я отдам свои добрые чувства стране и народу, с которым у меня один убеждения и идеалы, от этого моя любовь к родной земле только обогатится новым светом. И среди первых монгольских слов, которые я выучил, были такие: «би, Монгол орон, чайд хайртал» — «Я люблю тебя, Монголия. Может, эти слова вошли в мое сердце потому, что и мой монгольские друзья при встречах говорили и распрямывали о моей Родине, о России, где они обязательно бывали и где тоже оставили частичку своего сердца! Может, потому, что когда машина запуснется где-нибудь в степи и вдруг издали покатнется одноконная юрта, сам собой разумеется, у хозяина найдется для тебя не только чай и лучший кусок баранины, но и несколько приветливых русских слов! Русский язык в Монголии как бы ключ и откровенности, и хорошим отношением. Русского человека сажают на почетное место в юрте, первую подают чай и провозжат много километров, показывая дорогу; если на дворе ночь, уносят спать в самую теплую, и хозяин несколько раз зажмет до рассвета спичку, беспокоясь о том, хорошо ли ты спишь.

Старик любит вспоминать Халхин-Гол и Отечественную войну, и у многих на халатке рядом с

наградами их родины — советские ордена и медали.

В Дархане, где я жил, проходила однажды весной год давком «Ленин — дружба — литература» — совещание монгольских и советских писателей. Я тогда записал в блокнот фразу, сказанную монгольским писателем Ямадз «Пудуцзыны, атгосованшине # 1921 году на вздыбленных конях гонимидановского Касту, были похороны на курчанинше и монголдарврейцев». Речь шла об общности интересов писателей наших народов, об общности наших революций. Алексея Назоочичин вспоминал, что на Иркутску дугу, где он воевал, пропускаясь только два вида транспорта — с боеприпасами и мясом из Монголии, «мясом от Чойбалсанга». У нас в это время были только город и концентраты, сказала Назоочичин. Писатели отомкнули в сторону свои домкды и стали просто вспоминать войну — кто где воевал и кто как в ней участвовал. Эта вспышка воспоминаний была не запланированной, говорил, разумеется, без предварения. Участники боя на Халхин-Голе поэт Тарваа вспоминал, как монгольские писатели сходились слушать Совинформбюро прямо в радиомонитор — и на самое знаменательное событие в ходе боев тут же откликнулись стихами. Как перелопотли Алексеев Толстого и Шолохова, Фадеева и Тихонова, как ставили «Иди меня на сцене государственного театра. Переводчики отдалыми. За столом говорили на втором языке каждого монгола — на русском.

— ТЕПЕРЬ, я думаю, пора рассказать о городе Дархане, где говорят не только на монгольском и русском, а еще на пяти или шести языках: чешском, словацком, польском, болгарском, венгерском и немецком.

Не щите этот город на старых картах. Первый камень в нем заложен 17 октября 1961 года, и начало биографии города было приурочено ко дню открытия в Москве XXII съезда КПСС.

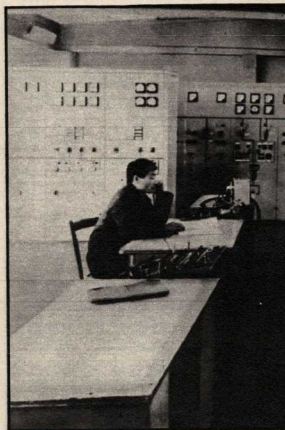
Монгольские и советские строители жили в палатках и юртах, а дома для себя строили в са-

У ПУШТА ДАРХАНСКОЙ ТЮЦ.

КАКОЙ ПРАЗДНИК БЕЗ МУЗЫКИ?

БОРЬБА — ЛЮБИМЫЙ ВИД СПОРТА.

ЖИВОТНОВОДСТВО — ВЕДУЩАЯ ОТРАСЛЬ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

что грипп — пустяк. Кто-то, а профессор лучше всех нас с вами знает истинную цену этой болезни. Для него она всего лишь номер один.

В книжном шкафу кабинета профессора много научной литературы. К сожалению, меньше всего о гриппе. Гиппократ до П. Чедоккина и даже далее ученые пытались разобраться в причинах этой болезни. Но, кроме хороших бань с малиновым вареньем, врачам многих поколений не могли порекомендовать своим пациентам что-либо другое. Практически они были бессильны. Мы же, используя современные теплер, будем бороться с устаревшими спутая несколько столетий — эти слова произнес французский писатель и мыслитель XVII века Жак де Лабрюйер. Современность всегда опережается не только достижениями, но и нерешенными задачами, например, возможностями медицины. С этой точки зрения современники Жака де Лабрюйера действительно кажутся нам устаревшими. В наше время благодаря достижениям медицины резко возросла продолжительность жизни человека, о многих болезнях, распространенных в ту пору, мы уже не имеем ни малейшего представления. Но вот грипп, как ни парадоксально, пока не входит в перечень наиболее опасных и вех самых опасных заболеваний. Несмотря на то, что в настоящее время существуют комфортабельные железнодорожных экспрессов и морских лайнеров но приобретает глобальный, межконтинентальный характер. В пречине чаще эпидемий гриппа принадлежат дальние рейсы в горы. Теперь эпидемии подвержены целые страны, континенты. Числений в самолете пассажир не подвержен задержке таможенных службами, вот почему инфекция гриппа, подобно невидимому, свободно перемещается по государственной границе. Попробуй остановить такого невидимку! Вот он и разгуливает по планете, беззащитный и неуловимый. Впрочем, к этим знаниям следует добавить еще одно, не совсем новое, но весьма интересное открытие — гриппа — его перемещаются. Будучи инфекцией, грипп — заболевание вирусное. Исследова разнообразия вирусов гриппа, ученые обнаружили ряд загадочных явлений: каждый из этих вирусов способен влиять на другие. Когда вирусы о гриппа вместе с острыми респираторными заболеваниями около 100.

Первые пути возможной борьбы с вирусами гриппа намечались в середине нашего столетия, когда были созданы вакцины. Вакцины — это препараты, которые изготавливают из микробов, вирусов и продуктов их жизнедеятельности. Введенные вакцины в организм человека предупреждают развитие болезни. Одним из первых вакцин стал препарат марборан в 1929 году. Вакцины из марборан в белих халатах применили его во время эпидемической вспышки оспы в Индии. Марборан спас жизнь десяткам тысяч человек и предотвратил заболевание других. Так в историю вошел первый и последний препарат, который не менее яркая страница, чем персидская смерть.

Профессор Д. М. Злиндин рассказывает: — После успешного применения марборана в Индии начались попытки использовать против вируса гриппа. Как видите, очередь дошла и до него. Внешняя безобидность этой болезни обманчива. В народе говорят, что о гриппа никто не умирает. Это неверно: Грипп страшен своими осложнениями. Он усугубляет течение других болезней и других органов нашего организма. Кроме того, давайте посмотрим на эту болезнь более широко. В два эпидемии простояют на заводах станики, на стройках бездействуют подпольные каналы, в учебных заведениях выявляют большие преподавателей отменяются лекции, в аэропортах не допускаются к полетам летчики с признаками простуды. И этот перечень можно еще долго продолжать. Такие образцы, грипп далеко не безобиден. И борьбу против него в нашей стране вполне можно сравнить с полем боя.

Группа высших ученых под руководством академика АН СССР А. А. Смординовича разработала противогриппозные вакцины, в которые вклю-

чают живые ослабленные вирусы гриппа. Они не могут вызвать заболевание, но образуют в организме защитные антитела. Одна из таких вакцин задуается пульверизатором в носовые ходы. Это безопасно и не вызывает боли. Другая вакцина принимается как микстура, с лимонами. Несколько лет назад в нашей стране был создан противогриппозный препарат окселин. Об этой мази сегодня хорошо знают врачи, она продается в аптеках. Начиная с 1969 года в нашей стране широко применяются профилактика и лечение вирусного гриппа. Разработан и ряд других препаратов. Они — в стадии испытаний.

Д. М. Злиндин познакомил меня со своим заместителем Ю. А. Романовым. Романов — это наш испытатель номер один, — сказал профессор и пояснил, что было время, когда Романов испытывал на себе первые препараты. Это было на заре становления института. Примеру Романова последовали и некоторые другие ученые-врачи, а теперь, когда создан специальный институт в я в нем клиника волонтеров, Юрий Алексеевич Романов является председателем комиссии подготовки испытателей-добровольцев.

Нашим испытателям, — сказал профессор, — может стать только dobrovolец, который хорошо понимает свою миссию и, принимая участие в эксперименте, служит науке.

— Знают ли dobrovolцы, что они испытывают? — спросил Ю. А. Романов. Испытаний. Конечно, прочитав, о новом препарате не знают и наблюдающие врачи. Они узнают об этом только после завершения эксперимента. В науке есть термин: «чистота эксперимента». Вот ради нее мы и прилагаем усилия. Каждый доброволец берет заготовку, но чтобы испытать новое лекарство на человека, надо получить специальное разрешение Комитета фармакологии и Комитета вакцин и сывороток Минздрава СССР. Только после их заключения, о том, что новый препарат не угрожает здоровью, его в течение шести месяцев испытывают на животных, а потом уже к испытаниям приступают волонтеры.

На столе Ю. А. Романова — кипа документов. Это разрешения на эксперимент, справки о здоровье испытуемого. Передача аппаратуры позволяет обследовать каждого dobrovolца с не меньшей тщательностью, чем космонавт перед полетом, отлагается, но не совсем равняет о здоровье! Высота точность наблюдений и в ходе эксперимента. За самоучастием испытуемого наблюдают несколько врачей: терапевты и невропатологи. Кроме того, работают рентгенологи, специалисты по сердечно-сосудистым заболеваниям и по органам пищеварения. В течение двухнедельного пребывания в клинике волонтер охвачен заботой и вниманием целой бригады специалистов. Каждый доброволец даже работа головного мозга. Все показания вносятся в специальную «карту волонтера». Когда после эксперимента эти карты собирают вместе (как правило, 50 карт — по числу испытателей), в них фиксируют все симптомы заболеваний, которые давались волонтерам, создается полное представление, насколько эффективным был эксперимент, насколько далеко продвинуты вперед знания о борьбе с инфекцией.

Но спешите, — предупреждает профессор, — вместо вакцины мы дам препараты-пустышки. Об этом не знают ни волонтеры, ни врачи. В результате не в той, ни с другой стороны не может быть предвзятых ощущений и мнений, а создается достоверное объяснение явления.

Клиника занимает целый этаж. Она больше напоминает профилакторий, нежели больницу. В уютных палатах живут волонтеры. Рядом — кабинеты врачей. Двери образуют в просторный холл, где в часы отпуски испытатели играют шахматы, вышки, по вечерам смотрят телевизор. Здесь я увидел стенную газету. Ее выпустили волонтеры, участники проходящего эксперимента. Невозможно было уместить читать написанное волонтерами. Здесь не по строчке — задержка на минуту.

— Люди с сильным характером не идут а испытатели, — заметил Романов. — У нас прошло уже более 7 тысяч волонтеров, и всех их отличают жизнерадостность, задор, оптимизм. Вероятно, из лю-

дей с такими характерами выходят пушестенники, полерники, моряки, летчики. В основном состав волонтеров складывается из наших молодых коллег — студентов медицинского института. Пробы в клинике ставят для них — может оказаться на всю жизнь. Но у нас есть не только будущие врачи, но и студенты из других вузов, молодые рабочие ленинградских заводов, строек.

Когда я знакомился и беседовал с волонтерами, выяснилось, что все они — стартерши — ребята и девушки двадцати, двадцати с небольшим лет.

— Я думаю, что меня будут трасти лихорадка, бросать в жар до сорока градусов, — поделился впечатлениями один из испытателей, по профессии строитель, Николай Телегов. — Я хотел узнать возможности своего организма, а мне не дали. Оказываются, самое большое повышение температуры, которое допускается в эксперименте, всего-навсего тридцать семь с половиной градусов. Но вообще — не жалко, что записался в волонтеры. Здесь собираются интересные ребята. Мы очень сдружились.

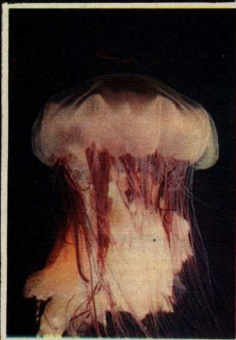
— А я думаю, что в клинике к нам будут относиться как в подпольный кабинет, — улыбнулся, вступаясь, Николай Телегов. — Я хотел узнать возможности своего организма, а мне не дали. Оказываются, самое большое повышение температуры, которое допускается в эксперименте, всего-навсего тридцать семь с половиной градусов. Но вообще — не жалко, что записался в волонтеры. Здесь собираются интересные ребята. Мы очень сдружились.

— Нет, не громко, — сказал мне после моего знакомства с клиникой и волонтерами профессор Д. М. Злиндин. — Волонтеры оказывают нам огромную помощь. Они первыми принимают те вакцины, которые могут пригодиться в случае эпидемии. В разгар их уже пошло думать о вакцине. Эпидемия длится месяц-полтора, и оперативно изготовить вакцину против конкретного вируса чрезвычайно трудно. Это означает, что надо успеть создать такие универсальные препараты, которые окончательно победят грипп.

Да, не такая это простая болезнь — грипп. Знакомьтесь с работами ученых ленинградского института, чтобы убедиться в этом. Это означает, что надо успеть создать такие универсальные препараты, которые окончательно победят грипп.

И еще. Знакомство с уникальным институтом приторпывает завету проблем, в решении которых ученые помогают волонтеры. Эти проблемы далеко не простые. Поэтому так трудно и тяжело считать, что волонтеры — это сегодня так завтра будут победены. Мы уже говорили о коварности этой болезни, ее приспособляемости. Постоянно видоизменяясь, грипп порождает такие вирусы, которые прежде были нехарактерны. В связи с этим появились даже новые формы. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемый «чужеродный» — это вирус гриппа у людей и вируса гриппа лошадей. Если эта гипотеза получит научное подтверждение, современная медицина будет искать путь к созданию более универсальных вакцин. И, конечно, без помощи добровольцев-испытателей это трудно сделать, поэтому не обойтись. Участвуя в подобных экспериментах, молодежь Ленинграда помогает ученым страны решить благородную задачу: вычеркнуть из списка опасностей человечества еще одну болезнь.

Большинство людей видят медузу только на берегу, выброшенных волной, в виде неприятных слизистых комков. Иногда замочают их в сленные силуэты в воде. Но другое дело, когда наблюдаешь медузу под водой. Немалою приходит на ум сравнение ее с необычным, ярким цветком. Это сходство особенно усиливают разнообразные отростки и щупальца, отхо-

дящие от тела медузы. Это или длинные нити, или отростки, похожие на тончайшие кружева и резные хрустальные изделия.

Большо разнообразие медуз: среди них есть и карлики — величиной в несколько миллиметров, и настоящие великаны, как, например, медуза холодных вод — циanea, диаметр колокола которой достигает порой двух метров, а щупальца тянутся из десятки метров.

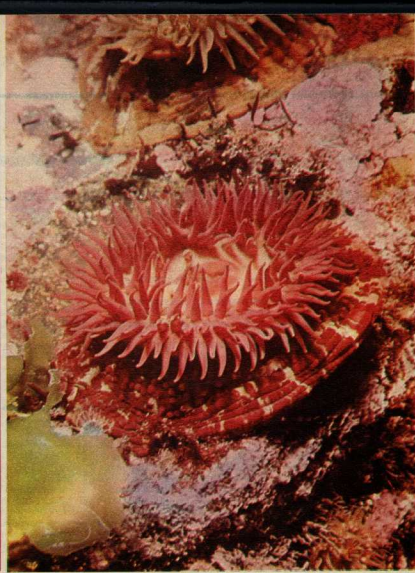
Сходство с цветами чисто внешнее: медузы — кишечники. Добычей им служат различные мелкие животные: рачки, небольшие рыбы, личинки. Ловят же медузы щупальцами, которые покрыты массой особых стрекательных клеток. Каждая такая клетка наполнена сильнодействующим ядом, и внутри нее находится спирально свернутая нить. Стоит коснуться такой клеткой, как нить распрямляется, прорывает оболочку и, словно отравленная стрела, вонзается в тело. Бесчисленное множество таких стрел парализует или убивает жертву.

На человека действие яда медуз может быть различным.

При касании уремид, наиболее широко распространенной в наших во-

ЖИВЫЕ

для медузы, можно почувствовать легкое жжение.

Черноморская медуза пилема обжигает, как крапива.

Крупная щанея может вызвать тяжелое поражение организма.

А касание некоторых медуз тропических морей вызывает смерть.

Медузы обычно не висят неподвижно в воде, а, сжимая края купола, словно паря, плывут в толще воды. За ними сесты тянутся щупальца.

Тип кишечнополостных, к которому относятся медузы, включает многие виды животных. Сюда относятся также и актинии, и которые еще больше подходит сравнение с цветами. В отличие от большинства медуз актинии ведут малоподвижный образ жизни, прикрепившись основанием туловища к какой-нибудь твердой поверхности.

Многочисленные поселения этих животных в некоторых местах морского дна разноцветным ковром покрывают подводные скалы и камни.

Одними из наиболее многочисленных являются крупные актинии метридум-диантус. Множество мелких щупалец плавающим венцом окружает их верхнюю часть туловища. В центре этого венца находится рот животного. Щупальца плавно колыхаются, поджидая добычу. Так же как и у медуз эти щупальца несут множество стрекательных клеток.

Метридуми создают многочисленные колонии. В Японском море у поверхности воды эти животные — красноватых, коричневатых и зеленоватых тонов, но с глубинной окраской светлеет, и на глубине 20—30 метров простираются поля чисто белых актиний. В зеленом сумраке глубины они словно излучают белый, призрачный свет.

ЦВЕТЫ МОРЕЯ

Великолепны метридумы в Белом море. Высотой около полуметра, животное напоминает миниатюрную пальму. Здесь часто можно встретить вместе актиний разных цветов: желтых, розовых, красных, белых, и тогда колония выглядит красочной клубочкой.

Казалось бы, что медуз и актиний должно избегать все живое. Но с удивлением замечаешь рядом с некоторыми медузами несомненно рыб. Стоят их испугать, как рыбки бросятся под купол или в гущу щупалец. Здесь они чувствуют себя в полной безопасности. В таком сообществе в Черном море живут маленькие стариды и медузы пилема, в северной части Тихого океана — малькие лички и щанея. В какой-то мере рыбки нечувствительны к яду медуз или ловко избегают касания о смертоносные щупальца.

Еще больше сожителей у актиний: здесь и рыбы, креветки, крабы. В Японском море среди актиний метридум часто можно видеть небольших, малоподвижных крабов. Обхватив ножицами тело актинии, они осторожно очищают его от остатков пищи, различного мусора. А в тропических морях, например, краб активно использует актинию как своеобразное оружие, постоянно нося их в своих клешнях. При приближении врага он выставляет ему навстречу актиний.

Поезд с аквалавангом, под водой, я всегда с удовольствием фотографирую красивых животных. Эти фотографии сделаны в Японском, Белом и Черном морях.

Глава третья,

рассказанная проводником

Василием Харитоновичем Муконовым

Прежде-прежде, в прежние счастливые времена жила на восточной стороне, в местности Хонин-Хотон, в стране высокой и вдутой ветром, в той стране туманной, в которой лежал бужадеит, жила человек по имени Хоредой. Жил он с женой Алама-Хатан, женщиной доброй, но бесплодной, как высокая шкура изобрет. Много у них было скота и добра всякого, но не было у них ни сынов, ни дочерей. Вот так они долго и скучно жила. Жена Хоредоя Алама-Хатан стала как-то болящая и слабая. Тогда берет она материнское желтое свещенное писание и читает в нем, что будет у них в западной стороне, в месте, куда уводит сменивающий тысячу веков белый камень Эрдеин, сын Наран-ботор, простой слабый человек. Узнав об этом Хоредой, сел верев, зоркой и слепой. День слепой, два слепой, десять дней слепой. На десятый день встал Хоредой, пошел в юрты к жене Алама-Хатан и говорит:

— Знавшие добрые тайны велит мне идти на западную сторону, в место, куда уводит сменивающий тысячу веков белый камень Эрдеин, чтобы взять там сына Наран-ботора. Мужчина-человек от своего желания не отказывается, ноги и сабока укусили, не отпускает и пробует сабока. Пошел на западную сторону, в место, куда уводит сменивающий тысячу веков белый камень Эрдеин.

— Думано правдою и говорено верно, — говорит болящая жена Алама-Хатан и подает Хоредою красноватые повода.

Вышел Хоредой из юрты, пошел своего чубарого кова, шоможа на него холмоной нотник, оседла деревянным седлом и, взоп в юрту красноватые повода, сел на коня и пошел прямо на западную сторону, в место, куда уводит сменивающий тысячу веков белый камень Эрдеин. Ехал, ехал и едет. Все даме и даме едет. Глядя вперед, светел, глядя назад, плачет, мало-мало радает. Так подыскал он к горе, высокой, до самого неба, и не знает, как дааме проехать. Серенное сердце бытся и коротеное ребро гнется от бокаши; такая высокая, до самого неба гора перед ним. Рысат туда — нет тропинки, рысат сюда — нигде нет проседа. Тогда он спрашивает своего чубарого коня:

— Как проехать эту гору?
 Его чубарый, быстрый бегунец так отвечает:
 — Возвратись на одновденное расстояние. Я с бега вволю на эту высокую гору, а ты только сумей удержаться на мне.
 Возвратился Хоредой на одновденное расстояние, его чубарый, быстрый бегунец побежал и со всего размаху вскочил на самую вершину горы.

Хоредой закачался в седле, но не упал, держится. После этого спустился Хоредой по ту сторону, в долину белого озера. Подыскал и сидит: лежит в траве бело-серебряный святиющийся камень и горящий ночью, сменивающий тысячу веков белый камень Эрдеин. Взял его Хоредой и начал грызть на лезвях коренных зубов. И вдруг небо покрывалось облаками, пошел кровавый дождь, каменный град, посылался, после этого пошел большой снег, который улетал до нижних тучек деревьев. Снова взяв Хоредой сменивающий тысячу веков белый камень Эрдеин и стал грызть на лезвях коренных зубов. Тогда небо вдруг очистилось от облаков и стало очень жарко; снег скоро несся растаял, по-прежнему стало тепло. Взял белый камень Эрдеин Хоредой в третий раз и стал грызть его передними зубами. Тогда белое озеро замолчала, бело-серебряные барашки лопали траву-сосула, волны подымались до верхнего неба, туман спускался до нижней земли. Вызвухнул Хоредой сменивающий тысячу веков белый камень Эрдеин, раскоч белое озеро по самой высокой ноге и видит: на дне лежит сын Наран-ботор, простой слабый человек, и плачет. Притянул Хоредой на своем чубаром кове на самое дно, взял Наран-ботора и выскочил обратно до высокой горы. Сопался волны на белом озере, и снова все стало тихо и спокойное, как прежде.

Притянул Хоредой сына Наран-ботора в свою юрту, видит, жена лежит великая померла, пока ездая за Наран-ботором. Печальным саделась Хоредой, вышел к своему чубарому коню и говорит:
 — Как сына растить? Кто мясо свариет? Кто унты сошьет? Волосы расчешет?

Чубарый, быстрый бегунец отвечает:
 — В яркой солнечный день вынеси сына Наран-ботора из юрты, положи на сменивающий тысячу веков белый камень Эрдеин, обмыл чистой ключевой водой из десяти источников. Встанет Наран-ботор сильным и красивым, как молодой изобрет из северной тайги.

Вынес Хоредой в яркой солнечный день сына Наран-ботора из юрты, положила на белый камень Эрдеин, обмыл чистой ключевой водой из десяти источников. Встал Наран-ботор, сильный и красивый, как молодой изобрет из северной тайги, и говорит:

— Это ты, мой отец Хоредой, а где мать моя, Алама-Хатан?

— Твоя мать Алама-Хатан померла, но дождитесь, пока я привезу тебе. Как будешь без материнского мяса съваришь? Кто унты сошьет? Волосы расчешет? — Так говорит Хоредой, а сам, глядя вперед, смеется, глядя назад, плачет.

Тогда надевает Наран-ботор отцову шелковую шапку или летней порки, сто несом, тугой безшпильно застегивает, зовет чубарого, быстрого бегуна и едет в девять тайт за берестой и к десяти источникам за чистой ключевой водой. Привозит с десятка тайт бересту и чистую ключевую воду с десяти источников, берет сменивающий тысячу веков белый камень Эрдеин, кладет его на грудь матери Алама-Хатан, берестой с девяти тайт освещает и ключевой водою моет. Встанет мать Ама-

Хатан по-прежнему здоровая и подвижная и говорит:

— Как долго я спала! Теперь буду сыну своему Наран-ботору варить мясо, шить унты, волосы расчесывать.

И жалили они счастливо вместе в восточной стороне.

Один человек человеком не делается, один голыши отмен не делается! — так сказал Наран-ботор однажды.

Тогда с утреннего красного солнца начиная доходит мать Алама-Хатан материнское желтое свещенное писание и расстелает от думер до противоположной стены. Так разостала, она читает. Тогда вычитывается ей, что прямо на западной стороне, в местности далекой, за самой высокой горой спускается с верхнего неба куница и белом озере девица с диковным именем, с именем не назван, а попросту Тигризи Басаган, дочь знающего Тигризи Она и есть сужена Наран-ботора на девять дней и девять ночей. После этого Алама-Хатан складывает свещенное писание и кладет его на прежнее место.

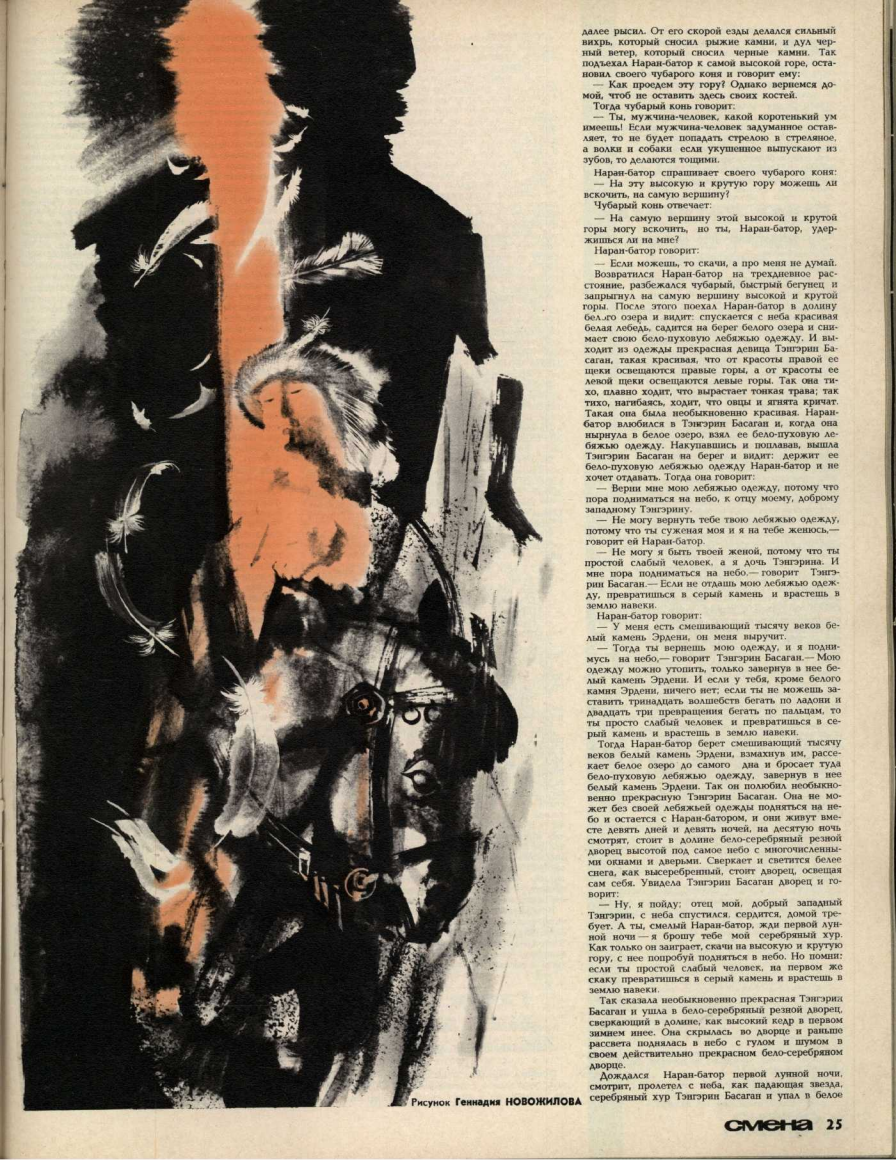
Тогда берет Наран-ботор чубарого, быстрого бегуна, садит серебряным седлом и, взяв в руки красноватые повода, привозит к бело-серебряной коновязи, горстью травы кормит, чайной воды поит. Так притянув чубарого, быстрого бегуна, говорит:

Притягивание коня окончилось!

После этого белым шагом входит в юрту. Мать ставит золотой стол, вкусной шпеш угодит, потом ставит серебряный стол, действительно вкусной шпеш угодит и залагает крепкое вино. Наран-ботор сидит и ест; как воет, гложет, как птица, клевает. Навесник достает, встает и начинает одеваться, поворачивается во все стороны перед зеркалом волшебной с думер. Потом надевает шелковую шапку, которую носит в летнюю пору, сто восемь штук безшпильно застегивает, сверху надевает шелковую шапку, которую носит в зимнее время; ни плашки на нем не оказывается. Тут же рожнем подолговывается, надевает на голову лисью шапку и говорит:

— Притягивание тела окончилось! — и белым шагом выходит на улицу, подходит к серебряной коновязи, отламывает прожаренный шелковый повод, ношу ставит в золотосеребряные стрелы и садится на чубарого коня.

Так он пошел прямо к западную сторону, в местность Аламуку, за самой высокой горой, к безшпильно, в котором куница додет Тигризи, девица с диковным именем, а попросту Тигризи Басаган. Так поехала он, шпал и туман; через десять вайди ровню рыска, через двадцать вайди не яркая рыска. Когда на небе стола день, то он рыска до тех пор, пока на небе не настает ночь; когда на небе стола ночь, то он рыска до тех пор, пока на небе не настает день. В жаркие дни без шпаша ехал, в тумную ночь без сва ехал. По крику несшей сорочи замочка, что настала половина зимы, и, лисью шапку нахлобутившая, далее рыска; по певню солонка собирающая, что наступит половина лета, и, лисью шапку надев вверх,

далеко раскида. От его скорой езды делался слышный захврь, который свистел, разбегая камнями, и дул черниый ветер, который свистел черные камни. Так подыхал Наран-батор к самой высокой горе, оставив своего чубарого коня и говорит ему:

— Как проехать эту гору? Однако вернемся домой, чтоб не оставить здесь своих костей.

Тогда чубарый конь говорит:

— Ты, мужчина-человек, какой коротенький ум имеешь! Если мужчина-человек задумавшись становится, то не будет попадать стрелою в ствол, а волки и собаки если укушенные выпускают из зубов, то делаются тощими.

Наран-батор спрашивает своего чубарого коня: — На эту высокую и крутую гору можешь ли вскочить, на самую вершину?

Чубарый конь отвечает:

— На самую вершину этой высокой и крутой горы могу вскочить, но ты, Наран-батор, удер- жись ли на мне?

Наран-батор говорит:

— Если можешь, то скачи, а про меня не думай. Возвратился Наран-батор на трехдневное рас- стояние, разбежался чубарый, быстрый бегунец и запрыгнул на самую вершину высокой и крутой горы. После этого поехал Наран-батор в долину белого озера и видит: спускается с неба красивая белая лебедь, садится на берег белого озера и снимает свое бело-пуховую лебяжью одежку. И вы- ходит из одежки прекрасная девица Тэнгэри Басаган, такая красивая, что от красоты правой ее щеки освещаются правые горы, а от красоты ее левой щеки освещаются левые горы. Так она тихо, плавно ходит, что вырастает тонкая трава; так тихо, нагибается, ходит, что овцы и ягнята кричат. Такая она была необыкновенно красивая. Наран- батор влюбился в Тэнгэри Басаган и, когда она нырнула в белое озеро, взял ее бело-пуховую лебяжью одежку. Накулавшись и поплавав, вышла Тэнгэри Басаган на берег и видит: держит ее бело-пуховую лебяжью одежку Наран-батор и не хочет отдавать. Тогда она говорит:

— Верни мне мою лебяжью одежку, потому что пора подниматься на небо, к отцу моему, доброму замкадому Тэнгэрину.

— Не могу вернуть тебе твою лебяжью одежку, потому что ты суженая моя и я на тебе женюсь,— говорит ей Наран-батор.

— Не могу я быть твоей женой, потому что ты простой слабый человек, а я дочь Тэнгэри. И мне пора подниматься на небо,— говорит Тэнгэри Басаган.— Если не отдашь мою лебяжью одежку, превращишься в серый камень и вырастешь в землю навеки.

Наран-батор говорит:

— У меня есть смешивающий тысячу веков белый камень Эрэди, он меня выручит.

— Тогда ты вернешь мою одежку, и я поднимусь на небо,— говорит Тэнгэри Басаган.— Мою одежку можно утопить, только завернув в нее белый камень Эрэди. И если у тебя кроме белого камня Эрэди, ничего нет, если ты не можешь заставить тринадцать волшебств богат по алмази и двадцать три превращения богат по плавкам, то ты просто слабый человек и превратишься в серый камень и вырастешь в землю навеки.

Тогда Наран-батор берет смешивающий тысячу веков белый камень Эрэди, взявшау им, раскидает белое озеро до самого дна и бросает туда белый камень Эрэди. И если у тебя кроме белого камня Эрэди, ничего нет, если ты не можешь заставить тринадцать волшебств богат по алмази и двадцать три превращения богат по плавкам, то ты просто слабый человек, и превратишься в серый камень и вырастешь в землю навеки.

— Ну, я пойду: отец мой, добрый западный Тэнгэри, с неба спустился, сердится, домой требует. А ты, смелый Наран-батор, жди первой лунной ночи — я брошу тебе мой серебряный хур. Как только он запырвет, скачи на высокую и крутую гору, с нее попорубь подняться в небо. Но помни: если ты простой слабый человек, на первом же скаку превратишься в серый камень и вырастешь в землю навеки.

Так сказала необыкновенно прекрасная Тэнгэри Басаган и ушла в бело-серебряный резной дворец, сверкающий в долине, как высокий кедр в первом звонке инее. Она скрывалась во дворце и ровно рассвета подымалась в небо с гулом и шумом в своем действительно прекрасном бело-серебряном дворце.

Дожджась Наран-батор первой лунной ночи, смотрит, пролетает с неба, как падающая звезда, серебряный хур Тэнгэри Басаган и упал в белое

Ваша работа

Твоя профессия

Герард ЕЛЕНСКИЙ

Древнегреческой мифологии есть рассказ о том, как Герард одолел сраваляса с разъяренным быком. В то же время, подысывая свое имя, он так утверждал, что пот выступил на лбу: дивительные качества и навыки, связанные с проявлением громадной силы, были настолько развиты, что затрудняли выполнение легкого, но точных движений.

Действительно, все люди, долгое время занимающиеся только гонимой гимнастикой или тяжелой атлетикой, имеют сильно развитую мускулатуру и обычно проявляют скованность в движении, что затрудняет овладение профессиями, требующими точности и точности действия.

И другой классический пример: долгое время программы физиологов летчиков предусматривались занятия боксом. А недавно ученые установили, что бокс... противопоказан профессии летчика. Пилотирование современных сверхзвуковых самолетов несомненно с резкими движениями рук и ног, а как раз такая способность и развивается в занятиях боксом — здесь нужно умение наносить «комбинированные удары и мгновенно менять позицию для атаки.

Но что противопоказано пилотам, оказывается, подходит бульдозеристам, трактористам и комбайнерам, работа которых связана с энергичными передвижениями рычагов управления машиной.

Научно доказано и многолетней практикой подтверждено, что занятия определенными видами спорта способствуют быстрому овладению трудовыми мастерствами в определенных профессиях. Чем же обусловлена эта на первый взгляд странная связь? Прежде всего тем, что в основе спортивной деятельности и физического труда лежит двигательный процесс, реакции той и другой. В спорте закладывается основа для экономических и рациональных движений; уровень развития основных физиологических показателей, необходимых для приобретения производственных навыков, у спортсменов более высокий, чем у не приобщенных к спорту. Вот почему спортсмены, как правило, быстрее и лучше других овладевают профессиональным мастерством. Доказательством этому служат многочисленные наблюдения над тысячами учащихся различных ПТУ.

Например, из 52 спортсменов, окончивших в 1969 году 31-е Киевское ПТУ, 46 было аттестовано токарями и слесарями IV разряда. Вместе с тем оказалось, что никто из 26 выпускников, посредством завершающих курс обучения, не занимается спортом (два получили квалификацию II разряда).

В Ленинграде был проведен общегородской конкурс среди учащихся ПТУ по профессиям, в котором жюри оценивало качество и скорость выполнения производственных заданий. И все лауреаты конкурса были задатками спортсменами.

Многочисленные исследования на различных предприятиях дали на первый взгляд сенсацион-

ные результаты: у молодых рабочих, регулярно занимающихся различными видами спорта, к концу смены работоспособность не снижается, а, наоборот! Спорт помогает обрести профессиональную тренированность. Например, стальной грей, бег, давшие на 400 и 1 500 метров, спортивная ходьба, альпинизм и велосипедные гонки по форме двигательных действий различны, но основа у всех одна — выносливость. А для интенсивной работы на производстве также необходима выносливость, которая наилучшим образом развивается в регулярных спортивных тренировках и выступлениях на соревнованиях. Поэтому рабочие-спортсмены быстрее и лучше приспосабливаются к любой производственной обстановке, поэтому они и обладают более высокой работоспособностью, чем те, кто не дружит со спортом. Многие разновидности спорта имеют также «родственные» отношения с определенными рабочими профессиями. В лексиконе ученых, занятых проблемами физического воспитания, бытует термин «фоновые движения». Например, у футболиста бег — фоновое движение, а удар по мячу — ведущее. Чем совершеннее первое, тем эффективнее второе. Если фоновое движение выполняется автоматически, сознание как бы освобождается от непосредственного контроля за ним и все внимание концентрируется на ведущих, главных движениях. Стало быть, выходя на фоновые движения, можно косвенно влиять и на основные.

По мнению профессора В. В. Белонизиной, на производстве наблюдается аналогичное взаимодействие между основными и вспомогательными движениями, поскольку физиологический механизм в обоих случаях в принципе одинаков. Занятия определенными видами спорта помогают совершенствовать определенные фоновые движения, соответствующие той или другой профессии, а следовательно, способствуют лучшему освоению данной профессии.

Много то, вселенной и педагоги давно уже доказали, что при наличии сходных элементов в действии одного, так сказать, «родственного» двигательного навыка облегчается процесс обучения другому. Поэтому многие спортивные движения способствуют освоению определенных профессиональных двигательных навыков. Остается только определять, какие виды спорта или отдельные спортивные упражнения наиболее полезны в данных случаях.

Например, у штукатуров-маляров наибольшая нагрузка во время работы приходится на кисть, предплечье и плечо. Поэтому будущим мастерам этого дела целесообразно волевать в секции спортивной гимнастики и волейбола. Занятия этими видами спорта не только укрепляют руку и мышцу плечевого пояса, но и содержат немало движений «родственных» тем, что мы видим во время работы штукатуров-маляров. У них же должен быть в большом объеме и велосипедный спорт, развивающий силу ног: профессия штукату-

тура-маляра требует определенной выносливости для работы стоя.

На радиотехнических, электромонтажных, часовой и шарикоподшипниковых предприятиях широко применяется ручной труд, связанный с монтажом мелких деталей. В условиях конвейерного производства такой труд предъявляет повышенные требования к выносливостной деятельности, зрению и осанке. Только при достаточном развитии этих функций возможно освоение подобных профессий, чему успешно помогает спорт. Это доказано работами кандидата медицинских наук доцента ПДОИИФ С. А. Полемского.

Вначале он определял уровень физиологических показателей 104 юных спортсменов-разрядников, воспитанных одной из московских спортивных школ.

Оказалось, что спортсмены превосходят сверстников, не занимающихся спортом, и в быстрых различных мелких предметах, и в тактичной чувствительности, и в производительности верных движений. Следовательно, эти качества могут совершенствоваться тренировкой. И тогда воспитанникам 15-го московского профессионально-технического училища — будущим сборщикам часовых механизмов — преподавать ассу тренироваться в различных спортивных секциях на выбор, кому какой вид спорта нравится. А затем в середине и в конце годичного срока обучения проводились различные испытания с целью выявить эффект освоения этих фоновых движений. Определялись реакции на световые сигналы и работа различения мелких предметов, точность движений и острота глаза, и, наконец, испытывались в производственных условиях выносливость и скорость оперирования оповещательным циклом «сборки часов». И во всем вперед оказались спортсмены; и работа быстрее и меньше допускала «окопастых» движений. Проще говоря, их труд был более производительным.

Такие образцы, было установлено, что уровень физиологических функций, обеспечивающих наилучшее овладение профессией сборщика мелких деталей, у спортсменов, особенно занимающихся настольным теннисом, волейболом и баскетболом, выше, чем у сверстников, не занимающихся никаким видом спорта, а также у тех, кто имеет лишь общую физическую подготовку.

А спортивная гимнастика отошла на второй план. Зато она же спорт № 1 для многих других специальностей, к примеру монтажников электротехники, карьеров или слесарей по ремонту станков, столяров, столяров, на коротких отпусках, сидя верхом на какой-нибудь балке или даже лежа, располагая подчас на весьма узкой опоре. Тут нужна незаурядная ловкость, а главное, умение выдержать длительное время, сохраняя мышечное напряжение, сковывает человека, а это вызывает быструю утомляемость, неточность в движениях и, как следствие, низкую производительность труда. Лишь после 4-5 лет работы альпинисты-альпинисты, из кандидатов физических наук из Москвы В. А. Кабанков доказал, что этот спорт возможно сократить примерно в 20 раз (!). Если призвать на помощь специальному гимнасту, акробату и батути. Из выводов, сделанных по результатам исследований в московском областном ПТУ № 13, были сформированы две группы с одинаковыми психофизиологическими показателями. Во время обучения будущей профессии первой группа (контроль) страдала утомлением, вторая (экспериментальная) занималась по специальной программе, включающей упражнения на гимнастическом бревне, подвешенном на пятиметровой высоте, на перекладинах, расположенных вертикально, наклонно и горизонтально под потолком. Черепашка акробаткой, батутом, прыгали через «кольца» и вниз с высоты 5,5 метра...

Когда семидесятилетняя робота еще до начала освоения профессии поднималась на верхнюю открытую площадку высотнойстройки, у каждого забилось сердечко. Пульс участился в среднем на 16 ударов в минуту по сравнению с «земными студентами». И эти различия сохранялись в течение всего периода обучения. В последний месяц тренировок в спортивном зале. Препрежного страха уже не было. Что же касается первой (контрольной) группы, то так особых изменений не наблюдалось: пульс участился в среднем на 10 ударов в минуту. И в условиях настоящей работы на строительном объекте, на высоте 24 метра, производственное задание экспериментальная группа выполняла быстрее, чем первая.

В другом исследовании выяснилось, что монтажно-высотным работникам необходимо еще заниматься и спортом. Спорт развивает координацию движений, повышает способность сохранять равновесие при резких и внезапных изменениях положения тела в пространстве, что случается во время работы на высоте, особенно при сильном ветре.

НОВАЯ ОБОЗРЕНИЕ

1. НЕ ОБКРАДЫВАТЬ МОЛОДЫХ
2. МОНЕТА СТОИМОСТЬЮ В ПОЛМИЛЛИОНА
3. ДОВОЛЬНЫМИ НА КУБЕ
4. МЕРТВЫЙ ГОРОД МАЗАМЕ
5. ХРАНИЛИЩЕ КОРЕЙСКОГО ИСКУССТВА
6. РОБОТЫ ВЫХОДЯТ НА УЛИЦЫ
7. КОРСИКА ГОРИТ
8. АЭРОСТАТ-ВЕРТОЛЕТ

Информация о зарубежной прессе. Материалы печатаются в изложении.

1.

С точки зрения закона человек в Голландии становится взрослым поздно — еще три года назад каждый, не достигший тридцати лет, должен был испрашивать формальное согласие на брак у своих родителей. Теперь этот срок понижен до 21 года. Но хотя наборы в армию, правам голландцы пользуются с 18 лет, до 23 лет они не могут иметь зарплату, которую получают их старшие товарищи. Все, кому еще не исполнилось 23 лет, должны довольствоваться «молодежным жалованием», которое ниже обычного на 50—60 процентов. Такую урезанную зарплату получают очень многие, так как в Голландии лишь пятая часть выпускников средних школ имеет возможность учиться дальше. Высокий возрастной ценз позволяет предпринимателям нелегко зарабатывать на молодых, и именно потому при снижении избирательного ценза и возраста вступления в брак без разрешения родителей временная граница для получения полной зарплаты осталась прежней.

Недавно этот порок подвергся резкой критике со стороны организации, объединяющей молодых голландских рабочих. Руководитель акции «Квэит обкрадывает молодых» Ганс ван ден Энден задал журналистам «4 рабочих сантехника с 17 лет. Моем напарником был 29-летний коллега. Наша квалификация и обязанности были одинаковыми. За каждую час работы клиенты платили нашему коллеге одинаковую сумму, а разнице выявлялся только при выплате нам месячной зарплаты — получал половину той суммы, которую насчитали моему напарнику». Другой молодой активист, Герт Шюффер, сообщил: «Я начал 17-летнюю работу в известной фирме. Производительность труда которой выше, чем у работающей рядом с ней на такой же машине ее 27-летней подруги. Однако моя заработная плата только 40 процентов той суммы, которую получает более старшая работница».

Организаторы акции «Квэит обкрадывает молодых» считают, что при одинаковой квалификации и производительности труда не может быть решающим фактором то, что молодому человеку еще не исполнилось 23 лет. Однако объединенные промышленники Голландии отклоняют это справедливое требование. В заботе о своих неправедных прибылях работодатели утверждают, что «единичный вред молодого человека оказывают на него губительные влияния». Одновременно голландские профсоюзы по разным причинам не особенно стремятся защищать интересы молодых рабочих, позволяя тем самым предпринимателям и дальше эксплуатировать молодежь.

«ДООКЛА СВНТА», ННР

2.

В то время, как ценность бумажных денег продолжает падать с угрожающей скоростью, все больше и больше число американцев обнаруживает выход из создавшегося положения в приобретении старых монет. Стоимость многих из них возрастает в год примерно на пятнадцать процентов, и оттого сплоченно и уважаемое прежде увлечение — нумизматика —

превратилось внезапно в шумный, охваченный ажиотажем бизнес. Эти новые деньги были особенно ярко продемонстрированы во второй половине августа на ежегодном конгрессе Американской ассоциации нумизматов. Члены ассоциации привезли с собой монеты, стоимость которых, как говорят, составляла 200 миллионов долларов, и на выставку было почти столько же вооруженных охранников, сколько экспонатов.

Одна монета привлекла особое внимание. На ней изображена голова инаеда, а на обороте — ора. Эта золотая монета достигла двадцати долларов, датированная 1907 годом, считается самой дорогой в мире. Публике она была показана впервые. Владелец ее «Гремуит интересна койн корпорейшн» отказался продавать монету за полмиллиона долларов, то есть за цену, вдвое превышающую сумму, когда-либо предлагаемую за любую другую монету.

Это не только единственный в своем роде экземпляр. Он вообще не должен был существовать. В свое время президент США Теодор Рузвельт отдал распоряжение отчеканить эту монету в числе двух других как возможный образец для предосторожного выпуска денег. Однако был выбран другой вариант, и эта монета должна была пойти на переплавку и кануть в вечность, но каким-то неизвестным образом она уцелела. «Золотой ора» не появлялся до 1940 года, когда один из торговцев монетами продал ее египетскому королю Фаруку за 9 000 долларов. Когда Фарук потерял престол, он продал монету ее прежней владельцу только за 3 800 долларов. В прошлом году монетой завладела упоминавшаяся выше корпорация, но старшая покупка сообщила при этом отказавшись.

Эксперты полагают, что в ближайшие три года цена монеты возрастает до миллиона долларов — во всяком случае, она уже застрахована на эту сумму.

«НЬЮСНИК», США

посылающую помощь народу, первым в западном полушарии приступившему к строительству социализма. Бывший рабочий стал политиком Ганна в трудовой партии «Клидо А. Меллар», чтобы вместе с кубинскими рабочими строить поселок Лос Наранхо и помогать трудящимся сельвара. Однако не все время добровольцев поглощала работа. Им читали лекции о революционной ситуации и проблемах кубинской революции, они посещали заводы и фабрики, учебные и медицинские учреждения.

Надо сказать, что ассоциации друзей с Кубой скандинавских стран уделяют очень важную и положительную работу в поддержку нашей страны. Все более укрепляются дружеские связи этих ассоциаций с кубинскими организациями. В нынешнем году было подписано соглашение о сотрудничестве между ассоциацией шведско-кубинской дружбы и ИКАП на три года. Ранее были подписаны соглашения и протоколы с ассоциациями финско-кубинской и норвежско-кубинской дружбы.

Вот что рассказали скандинавские студенты в беседе с корреспондентом журнала «Воюма».

Тулда Кивонен из Хельсинки рассказывает об Ассоциации финско-кубинской дружбы:

Ассоциация создана в 1964 году. Ее членами являются почти тысяча человек из разных уголков страны — студенты, рабочие, служащие, представители различных политических и общественных организаций. Мы широко отмечаем кубинские национальные праздники. Например, нам девь 26 июля. Праздник посвящен борьбе против кубинских кинофильмов, приглашаем кубинцев, посещающих Финляндию, на встречи с членами ассоциации, чтобы они рассказали об условиях жизни в кубинском рабочем народе. В результате активной пропагандистской деятельности ассоциации на предстоящем году растет число финских граждан, желающих поехать в Кубу в составе бригады добровольцев и помочь в трудовой борьбе этой стране строить новую жизнь.

Карстен Гарден, студент из Юппенга.

Ассоциация датско-кубинской дружбы возникла в 1962 году, а на родину из Кубы возвратилась первая наша бригада добровольцев из скандинавских стран. Наша ассоциация имеет четыре отделения в Дании. Она проводит различные мероприятия: устраивает выставки, демонстрации кинофильмов, выставки в школах, университетах, профессиональные молодежные организации. Эти акции пользуются большим успехом у датчан и обогащают их знания о новой, социалистической Кубе.

«БОЗМИА», КУБА

4.

Было жарко. На городской площади люди начали обмахиваться импровизированными веерами из нечистых угля. Но внезапно над домами и колокольнями поднялся огромный белый туман, внимание, — раздался голос, удивленный прощальный криком и будить големы. — Когда зловещая завывала сирена и закончился колокол, все жители города легли на тротуары и на проезжую часть улиц. Лежал на спине, оставив раскиснув руку, аббат Ариг Нистр. Рядом с ним можно было видеть мэра города Шьера Баррада, который улегся на бок, положив голову на руку. «Первые красавицы города» Корин Фаренг и Мари-Кристина Мас находились вместе, и усылы были одной смеяться, четкими волосами другой. Один человек сидел с кузовом сина, оставленного на дороге. С протынутыми в отчаянии вперед руками, выныривая из похоти на существо, внезапно уничтоженное злощезий и западной болельщицей.

Все, о чем рассказывается, не финал батальной сцены, а часть фильма «История мая» по сценарию своего города Мазаме Небоделуэ от Ю. Сурдуку. Но в фильме было найдено число его жителей, 16 810, точно совпадает с общим числом людей, рожденных в Мазаме. В застройках на территории Франции в 1870 году. В 1907 году городом, «вычернутым с географической картой».

3.

Вот уже несколько лет подряд ассоциации друзей с Кубой скандинавских стран посылают в нашу страну бригады добровольцев, сформированные из членов ассоциаций. На этот раз отряд скандинавских добровольцев насчитывал 185 человек. В него вошли студенты, рабочие, служащие, домохозяйки — члены различных ассоциаций: Норвежской, Финляндской, Шведской. Везде их объединяет горячее симпатии к кубинской революции, страстное желание оказать

Под этим лозунгом — «Город, вычеркнутый с географической карты» — французские телезрители решили проследить, откуда «24 часа в мертвом городе». Сны, сныта с вертолета, а также группы операторов, оставшихся на улицах и площадях, стали началом полужесткого фильма.

«Мы хотели предложить этот психологический шок нашим соотечественникам», — говорит Жан Лексаидр, директор программы «24 часов» — перед съемкой летчик отключился, связанный с большим автомобилем маневрировал. Строго говоря, мы хотели испугать смеельства. Мы хотели, чтобы люди, сидящие за рулем автомобиля и часто перевозившие своих детей и супругу, наконец поняли, увидели такое сложение «мертвых», что повторится на дорогах страны буквально каждый вторник».

Работники французского телевидения полагают, что этот «репортаж из мертвого города» заставит зрителей задуматься о безопасности на улицах и в городах, соблюдать правила дорожного движения.

«ДОМЕНИКА ДЕЛЬ КОРЬЕРЕ», ИТАЛИЯ

ны в пути», «Аристотел и крестьянин», «Музеи Нью Йорк Де Блестящий пейзажист, первым из ирреалист художников разрабатывая тему простого народа. Его прозвище — «Христианин из Рытого поля», «Борьба», «возвращение дома» дают представление о быте людей труда. Син Юн Бон начинал измерять мораль правящего класса того времени, да так, что и нынешним посетителям, мучая не может «сдержать ироническую улыбку, глядя на голые», созданы много лет назад.

В развале современной живописи интересно, что немалое место, правда совсем неизвестная в этой стране, теперь так чрезвычайно популярна) представлены произведения на темы социалистического строительства, борьба с империализмом США и его юнкерскими элементами, движение за национальную независимость. Но самым бы явным ни были датированные экспонированы, в плевенском музеее, где, как и сейчас, некий лежит печаль большого таланта мастеров, их созданных.

«МУЗЕЙ И ПАМЯТНИКИ НА КУЛЬТУРАТА», ПРВ

Отлично проявляют себя роботы и в роли машинистов, прислуживающих при игре в гольф. Управляемые с помощью специального устройства, они следуют за игроком по всей площадке, и если тот, например, пожелает вынуть штык сакса, автомат немедленно выполняет пожелание. Он даже скажет «спасибо», когда в щель автомата будет брошена монета.

Чем объясняется эта стремительная гонка в век роботов? Нехваткой рабочей силы и постоянно ускоряющимся повышением зарплат. Некоторые предприятия уже вытесняют роботов, работающих сверхурочно, а телевидение использует роботов-режиссеров, пишущих программы передач. Как свидетельствуют расчеты одной компании, «применение» десяти роботов позволят отказаться от услуг семисот рабочих.

Японцы не возмущают против этого нашествия роботов: они слишком заняты, ибо работают как автоматы.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

7.

В августе, в последнее воскресенье, Корсика пережила один из самых ужасных дней своей истории: из-за пожара погибло 15 300 гектаров леса — при таком темпе — констатируют корсиканские власти, — наша страна через два-три года будет почти полностью безлесной».

На Корсику для защиты 445 тысяч гектаров леса работают 2 800 человек, в их распоряжении машины для тушения пожара и вертолет. Этого достаточно, когда тушат пожары, оставшиеся в лесу, но не могут справиться с пожарами, которые возникают в долине и вызывают пожар. Десять процентов пожаров приписывают корсиканским пастухам, которые тысячами выгоняют леса, чтобы на их месте создать пастбища для своего стада. Зоны таких пожаров известны: Кортон и Балань. В этих местах огонь бушевал столбом рано, что сегодня исцелил почти все деревья. Порой пожары возникают из-за людей, которые не умеют тушить огонь.

Что делать, чтобы лес не исчезал полностью? Раз, но неэффективную борьбу с пожарами, возникает необходимость вводить денеж. План защиты леса на 200 тысяч гектаров разработали местные корсиканские власти, обошелся бы в 8 миллиардов старых

франков, «где найти эти 8 миллиардов, когда правительство дало нам в 1973 году для этой цели 250 миллионов старых франков, а следовательно, в 1974 году?» объясняет Шарль Гризони из дирекции департамента сельского хозяйства власти департамента. В частности, временными мерами, в частности, созданы нововведения из пистонов, саргенов, которые зимой растут, что является, а летом их окрестности остаются голыми.

Их остается много лет, неосторожные для людей и техники, а ведь немедленно загорится каждый гектарный лес.

«ПАРИ-МАТ», ФРАНЦИЯ

8.

В штате Делавэр (США) прошла испытание нового воздушного транспортного средства, которое еще не имеет определенного названия. Тестировал его конструкторский бюро «Ол Америка инжиниринг» окрестил свое творение «воздушным крабом». Эта необычная конструкция воздушного краба и вертолета предназначена для перевозки объемных и тяжелых грузов на большие расстояния.

Сердцевиной «краба» представляет собой воздушный шар, наполненный гелием. Остальную часть полезной силы создают четыре вращающиеся лопасти, которые в том же контролируют скорость подъема и спуска «воздушного краба». Вращающаяся лопасть — шаг вперед по сравнению с обычными вертолетами, которые совершают вертикальные маневры, выходящая как или выходящая балласт. А летучесть гелия создает преимущество перед вертолетом при подъеме очень тяжелых грузов.

Самым важным элементом и новой конструкции являются электродвигатели, прикрепленные к концам несущих лопастей. Во время испытаний двигателями были включены и вес баллона начал медленно вращаться. Поскольку лопасти были установлены под соответствующим углом, вертолет начал «вращаться» в небо и остановился только после того, как натянулся прочный канат.

Ободренные успешными испытаниями работающих модели, конструкторы приступили к постройке первого «краба» грузоподъемностью до 90 тонн! Это в два раза превышает возможности самых крупных современных вертолетов США.

«ШТЕРН», ФРГ

5.

В центре столицы ИНР — Пекина стоит светящееся здание Музея искусств. Здесь широко представлены творения древних и современных мастеров китайского искусства. В музее можно увидеть от японской настенной живописи шестого века до разновременных видов и жанров прикладных искусств сегодняшнего дня.

В XVI—XVII веках корейская живопись прошла этап из своих пиков. Тогда доминировали пейзажи, жанры «шестого века» — живопись шелковых или бумажных свитков, старался при этом передать на полотне настроение, которое вызвала у него изображаемый предмет. Если же трудно или невозможно было передать сложнейшую гамму чувств, художники писали выразительную строку из мифологии или стихотворения.

Три самых великих корейских художника — прошлого — Ким Дун Син, Ким Хон До и Син Юн Бон (XVIII—XIX столетия) — экспонированы в пекинском музее юаней и оригиналы. Картины первого подолгут совместно, приемы юаней и сармазов. Самые известные на них — «Минчань».

6.

Несколько регуляризаторов движения транспорта в белых шапках дежурят на улицах Токио, право же, имели все основания выгладеть чуть таинственно: они не были людьми.

Это были люди, внешне похожие на людей роботы-полицейские, которые контролировали движение транспорта с абсолютной точностью. Однако их лица еще не научили выдать шоферам какалю-либо таланты или клятвенщи.

Появление этих регуляризаторов на улицах Токио не случайно. Японцы сегодня быстро спускаются страной, наиболее полно использующей роботов.

Сейчас даже регулировщик фотопланирует роботов в качестве регулировщиков. Эти автоматические машины управляют удильцами для лобового туннеля, поднимают улов на борт и сами снимают рыбу с крючков.

Рисунки Евгения МИЛУТИН

КАРПОВ — КОРЧОК

Осенний нынешнего года надобно запомнить влюбленным шахмат, с огромным интересом наблюдавшим — один — очко, другие — зночию за финальные матчи претендентов на мировое первенство, который проходил в Москве. О бескомпромиссном поединке между Анатолием Карповым и Виктором Корчком мы еще расскажем в одном из ближайших номеров «Смелых». Сейчас же нам хочется предложить вниманию читателей несколько фрагментов партии, сыгранных нашими замечательными гроссмейстерами на старте своего единоборства.

К такой позиции пришла первая партия матча после 16-го хода черных. Здесь в распоряжении играющего белыми Корчок был неожиданный тактический удар, который чуть ли не форсированно вел к весьма неблагоприятным для него вариантам. Например, 17. Кd5 Сd5 18. е4 f6 19. d6, и на поле боя возникла грозная ситуация, в которой опасность миниатюра белых врозь бы более чем достаточно нме-

перирует их за отданную легкую фигуру. Однако Корчок, хотя и является оригинальным стилем игры, на самом старте столь ответственного состязания не решился пойти на риск и предпочел добиваться позиционного перевеса.

14. Кf6—f5 15. g2—g4 16. Kf6—f6 16. Kf4—e2

Этот ладнопроявленный маневр коня, так же и оборонительный маневр белой ладьи на 19-м ходу, по-настоящему, насколько известно сочетает Карпов атакующей горной с необходимой в серьезном шахматном сравнении бдительностью. Зависное для молодого гроссмейстера качества!

16. Фd8—d5

Думается, что, действуя по СЧЗ с целью сохранить от размера важного телоразногласия королю — чернопольного слона, можно поставить перед белыми более сложные проблемы.

17. Сe3—h6 18. Фd2h6 19g—e8 19. Kd1—d3

Видно, что, сгоревший с СЧЗ, но на редкость офенсивную маневр, пресекая, вступив в игру черных, явился неприятным сюрпризом для Корчка. Он напелся снести на нет ярмоиную фигуру атаку протоплаив, имен в виду вариант — 19. Kf5 20. Лf5 g3 21. Kf5 Kc2+ 22. Kf4 Kf3 23. e6 (g 24. Ke7 Лf2+ 25. Kf2 Фd5+ 26. Kf1 Фc7 и т. д.

19... Лc4—e5 20. Kd1—d3

Пешечный ферверьер продолжается. На сей раз белые отдают пешку ради разоблачения Корчка. Это становится ясным после комбинационного хода на следующем ходу

20... Лc3—g3 21. Лd3—d5 22. Лd3d3 23. Лc3—e8

24. Фd5—d2

25. Фd5—d2

Атаковать успешно, когда соперник силен и изобрета-

тельно защищается, далеко не просто. Разменяй, и примеру, сейчас коней, белые получатся бы черному королю «убежать» на другой фланг. Нужно уметь навязать угрозы максимально возможным образом.

23... Сd7—e6 24. e4—e5!

«Пока змея жертуется третья пешка, и осуществлений белой выдвиги прорыв мгновенно решают службу боевой скачки. Фактическая мата сетя образуется в случае 24... d6 25. Kf6+ e7 26. Kf4! Заметим, что ходом рашале цели белые не достигают: после 24. Kf6+ e7 25. Kf5 Фe5+ 26. Фe5 f6 27. Kf6+ Kf7 28. Kf8+ Сe8 карта получается совсем не та.

24... Сe5d5 25. e5f6 e7f6 26. Фe5f6+ Kf8—f8 27. Фe7—h6+, и перед лицом крутых материальных потерь черные капитулировали.

23... Фd5—d2 24. e4—e5! 25. Kf6+ e7 26. Kf4! Заметим, что ходом рашале цели белые не достигают: после 24. Kf6+ e7 25. Kf5 Фe5+ 26. Фe5 f6 27. Kf6+ Kf7 28. Kf8+ Сe8 карта получается совсем не та.

24... Сe5d5 25. e5f6 e7f6 26. Фe5f6+ Kf8—f8 27. Фe7—h6+, и перед лицом крутых материальных потерь черные капитулировали.

23... Фd5—d2 24. e4—e5! 25. Kf6+ e7 26. Kf4! Заметим, что ходом рашале цели белые не достигают: после 24. Kf6+ e7 25. Kf5 Фe5+ 26. Фe5 f6 27. Kf6+ Kf7 28. Kf8+ Сe8 карта получается совсем не та.

24... Сe5d5 25. e5f6 e7f6 26. Фe5f6+ Kf8—f8 27. Фe7—h6+, и перед лицом крутых материальных потерь черные капитулировали.

считались на жертву коня, чтобы в варианте 15... Лf2—f6. Kf2 Кd1 17. Kf4 Фd4+ 18. Kd1 Лe8 19. Фd5 Фd3 создать приди на отравляющие угрозы белому королю.

Но в последующий момент их постигло разочарование, так как они заметили спротиворечию своей задаче: вместо 17. Kf4 белые сыграли бы 17. Kf1! и после 17... Сe1 18. Ke1 Сd2+ 19. Kрe2 несколько отступило позицию их королю вполне надлежно приравнять конница, а материальные приобретения неизбежно снижаются. Поэтому Корчок препроводил попытку по-новому подбодрить и неприятельскому королю, но Карпов оказался начеку.

15... Сe7—h4 16. Лe1—f1 Сd5d3 17. Kd2f3 Сd4f2+ 18. Лf1f2 Kd4f2 19. Kрf2f3 Фd8—d6 20. Kр3—g3

Поучительно проследить и на этом примере, как умело варьирует молодой шахматист оборонительные и наступательные элементы, как быстро удается ему отразить угрозы партнера и перейти в контратаку.

20... Лd8—f6 21. Фd3—d3 Фd8—d8 22. Сd1—d1 K7—h6 23. Kр3—g3 Лf8—e8 24. Сe2—d3 Лf8—e4 25. g2—g3 Лf8—f6. Фd3—e4 К7—e5.

В заключение следует элегантно жертву коня и в результате удается отразить атаку черной королю вскоре становится той онегитича 27. Kf3 Кe5 h6g5 28. f4g5 29. Лd8—e8 29. Лd1—e1 Фd8—g8 30. Kd8—h4 Лf8—g8 31. Лe1e6, и черным, просрочившим время, отбросив на одумывание, было затеано поражение. Релиши не состоялось, и Карпов увеличил разрыв до 2,0. Тот же результат сохранился после пятнадцатой партии в момент, когда верстался этот номер «Смелых».

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15, Бульварный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВКИ: 253-30-87

Славно в набор АХ 1974 г. А 11155. Подписано и печатно 25/Х 1974 г. Тираж 1 120 000 экз. Изд. № 4044. Заказ № 2858. Формат 70х108%. Усл. печ. л. 5,65. Уч.-изд. л. 11,65. Редакция и типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125085, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Под редакцией Виктора ЮБИНИЧЕГО

ЛИСТЬЯ

Слова Михаила МАТУСОВСКОГО
Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

Ты спроси: отчего
Так груста сегодня я!
Листья жгут, листья жгут,
Листья прошлогодне.
Вдоль дорог ветерок
Бродит невдякою.
И сады, и сады
Пахнут горькой дымяю.

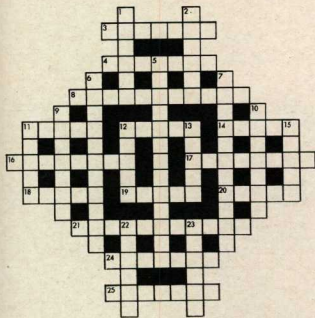
Я гляжу на костры,
Обхожу бульвары я.
Пусть гора, пусть гора
Эти листья старые.

Пусть гора заодно
В это утро раннее
И твои и мои
Разочарования.

Здесь от них ничего
Слоро не останется.
Лишь дымок, лишь дымок
Меж стволами тянется.
И в саду стало вдруг...
Чуще и свободнее...
Листья жгут, листья жгут,
Листья прошлогодне.

КРОССВОРД

Составил Т. БОСЛОВ,
г. Москва

По горизонтали:

3. Деталь прядильной машины для изготовления хвостовых волокон.
4. Город в Грузии.
5. Видоизменение, преобразование.
11. Материальная опель.
12. Средства защиты боевых машин.
14. Деталь железнодорожного пути.
16. Крепление русла у основания плотины.
17. Тонкий измерительный прибор.
18. Советский почвовед, академик.
19. Предохрнительное сооружение в шахте.
20. Озеро на Дальнем Востоке.
21. Научная работа.
24. Герой Советского Союза, участник дальних беспосадочных полетов под командованием В. Чкалова.
25. Массовый танец славянских народов.

По вертикали:

1. Марка советского автомобиля.
2. Денежная единица Древней Руси.
5. Раздел математики.
6. Советские представители партии, организации, государства.
7. Специалист по использованию водных ресурсов для нужд народного хозяйства.
9. Озеро в верховьях Инда.
10. Мощный проницательный стан.
11. Математик и геофизик, академик, Герой Советского Союза.
12. Лист бумаги с частично напечатанным текстом.
13. Вращающаяся часть электромашин.
15. Город в Челябинской области.
22. Промысловая рыба, разновидность иорошин.
23. Русский металлург, разработавший процесс получения высококачественной литой стали.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ № 21

По горизонтали:

8. Магнето.
9. Октябрь.
10. Листрот.
11. Янв.
12. Анди.
13. Конструктор.
14. Кукуруза.
17. Прядильня.
18. Тремола.
19. Ивонгол.
23. Конфликт.
25. Бухтарма.
27. Демонстрат.
28. Дуга.
30. Влас.
31. Удэин.
32. Капитан.
33. Искомое.

По вертикали:

1. Габриэур.
2. Инза.
3. Подонев.
4. Моторист.
5. Роттер.
6. Мята.
7. Традиция.
13. Корнеллод.
14. Резульбат.
16. Атлет.
17. Паульс.
20. Нортулан.
21. Нассарив.
22. Нитатол.
24. Комичив.
25. Удурин.
26. Анис.
30. Крот.

ЖИВОЕ ЧУВСТВО ИСТОРИИ

Произведения современных мастеров изобразительного искусства Монголии различны по тематике, жанрам и средствам выражения. Но есть в них и нечто общее.

... Как ощутимо течение времени, каждой его минуты и каждой секунды, которые не могут потеряться, не могут исчезнуть в долгой череде веков.

Как ярки и как значительны все краски и все оттенки, создающие, творящие образ неуничтожного, вечного мира...

Разумеется, эти картины показывают нам Монголию наших дней, с четкими, ясно узнаваемыми признаками современности. И в то же время каждая из них пронизана глубиной и живым чувством истории. Именно это предопределяло, на наш взгляд, успех авторов публикуемых здесь работ в создании яркого, точного и очень искреннего портрета своей страны и своих современников.

Борис АНДРЕЕВ

Б. ЧОГСОМ. ПЕЙЗАЖ ХОРГО.

О. ЦЭВЭГЖАВ. ПРИРУЧЕНИЕ АРГАМАКА.

Ц. ЖАМСРАН. МОНГОЛКА.

Б. ЧОГСОМ. ДУМА.

Д. АМГАЛАН. МЕСТНОСТЬ ЖАЛАН-ШАРГА.